

18 Галерий Красовский

Лирическая летопись

Валерий Красовский

Лирическая летопись

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22573157

ISBN 9785448362576

Аннотация

В настоящей книге наиболее полно представлены авторские лирические произведения, включающие пейзажную, городскую и философскую лирику, стихи о любви и другое, а также венки сонетов и поэмы. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Содержание

1962 – 1986	11
«Звездочка далекая моя...»	13
«Я вышел еще до восхода...»	15
«Ольхи обледенелые сережки...»	17
«Солнце греет янтарные зерна...»	18
Посередине зимы	20
«Делится щедро ольха серебром...»	22
«Солнце выпеклось в оконце...»	24
Однокурснику	26
«В твоём саду хочу остаться...»	28
«Я в роще...»	31
«Романтиков строительный отряд...»	33
«Порой начальной осени...»	35
«Мы у черта на куличках...»	37
Ночевка	39
«О, наглость твою не измерить!...»	41
«Словно соткалось из света...»	42
«Ты из морозного сиянья...»	43
«Ты – вечера очарованье...»	45
«О, дивный торжественный бал...»	47
«Открыла проспекты трамваям заря...»	49
«Весна...»	51
«Вишен цветение...»	52

На пароходе	53
«Откуда эта...»	54
«Преодолев усталость...»	55
«Городок был затерян надежно...»	57
В долине	59
«У берега тропа нырнула в воду...»	60
Пилотаж	62
Координаты рождения	63
«Чувства свои...»	64
Кумир	65
Ассоциация	66
«Туристам говорят гиды...»	67
Приобщение	68
1987	72
«В давнишние годы...»	73
«За барханами...»	74
«Там, где прошли лавины...»	75
«Двугорбые верблюды...»	76
В предгорье	77
«Отныне солнце – щедрый казначей...»	78
Засуха	79
В пустыне	80
«Ко дню рождения дочери НАТАЛЬИ...»	81
Репетиция	83
Жертвоприношение	84
Агония	85

1988	86
Драгоценность	86
Возвращение	87
Остановка	88
«Садилось солнце. Полоса закатная...»	89
С высоты девяти километров	90
Пурга	91
Жертвенная нежность	92
Флюиды ночи	94
Меж полюсами	95
Свидание	97
Среди барханов	98
Сельский вечер	99
У озера	100
На взгорье	101
Весело о грустном	102
Похищение света	103
1989	104
Азия	104
Переход	105
Июльский сюжет	106
Сенокос	108
Лесная прогулка	109
Отлет	111
Осень	112
Карнавал летней ночи	113

Источник	116
Через расстояния	117
Жизнь по интересам	119
Старик	120
Погожий день сентября	121
Контрасты	122
Возражение	123
«Мир происходит от прощенья...»	124
Прогноз	125
Предвестники	127
Фантазия на тему осени	128
Вместе со сказкой	129
В путь!	131
«Куда вели вожди народы?..»	132
«Все крепчающим потоком...»	133
«Мортира бури неспроста...»	135
«Приятна рифма в звонком слове...»	136
1990	137
На вернисаже	137
«Высвечивало солнце на рассвете...»	138
Пляжный сезон	139
«Познав беду и гнет страданий...»	140
«Сплоченье не только в порыве...»	141
«Не счесть теорий да религий...»	142
«Свободомыслие – порука...»	143
«Забота – сердца веление...»	144

«По тихим дворикам, бульварам...»	145
Звездная ночь	146
Комета	147
«Под аркой сияющей радуги...»	148
«Весело, искренне плещется море...»	149
Посвящение высоте	150
«Будто огонь...»	152
Регата	153
Мечта о море	154
«Открою сердце для тебя...»	155
Летний вечер	156
Хроника осеннего дня	157
«У предгорий тянется долина...»	159
Ветрено	160
Снова дома	161
Ураган и утес	163
После шторма	164
«В сопровождении ненастья...»	165
Над Атлантидой	166
Вторжение	167
Рябиновая ночь	169
1991	170
Разгул	170
«Рассвет сдвигает полог ночи...»	171
Вопреки календарю	172
Крушение	173

«Пустоту ночи...»	174
«Вечерние отблески гаснут...»	175
1992	176
«Века потратили народы...»	176
Торжество света	177
Уют печных полатей	178
«Он в мир, к жестокости привычный...»	179
После ненастья	180
В глубинке	181
1993	182
Концерт	182
После паводка	183
Забота	184
В родных местах	185
Зима является в ночи	186
Схватка	187
«В понятиях добра и зла...»	188
«Быть бедным – не право...»	189
Лесозаготовки	190
Глухомань	191
Монолог метелицы	192
Первая любовь	193
«Красивые женщины...»	194
Леди	195
«В случайности любой...»	196
Прибой страды	197

С легким паром!	198
1994	199
Зависть	199
Заморосило	200
«Какими быть нам ...»	201
«Кто прозябает в мелкой суете...»	202
Акт осенней драмы	203
«Материнское чувство щедро...»	204
«Жить – значит быть...»	205
Завьюжило	206
Рассвета взорваны петарды	207
По заснеженным холмам	208
Потепление	209
О зодчестве	210
Задождило	212
Виток времени	213
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Лирическая летопись

Валерий Красовский

© Валерий Красовский, 2020

ISBN 978-5-4483-6257-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1962 – 1986

Родство с окружающим миром можно в полной мере чувствовать только в детстве. Помню, как приятно было лежать ночью на чердаке, наполненном свежей высушенной травой, излучающей тысячи ароматов, слушать стрекотание кузнечиков и предаваться грезам о тайнах мироздания. В небольшое окно на фронтоне загадочно посматривали звезды, казалось, что они совсем рядом, что они тоже живые и способны общаться. И представлялось, что я, уже не я сам, а нечто большое и бесконечное. И в этом умозрительном пространстве можно было перемещаться мгновенно в любых направлениях и на любое расстояние, воплощаться, во что пожелаешь, в душе воцарялась сказочность.

В периодических изданиях для детей школьного возраста тогдашнего времени часто публиковались фантастические рассказы. В газете «Пионер» я увлеченно читал, из номера в номер, печатавшийся довольно длинный рассказ своего сверстника о путешествии на луну. А кто из детей в те времена не мечтал стать астронавтом?! Свою первую записную книжку с неопытными рифмами я считал давно пропавшей без вести. После увольнения в запас я прихватил с собой несколько газет с моими ташкентскими публикациями и показал их своим родителям, но те отнеслись к этому без особого внимания, усмотрев в этом одно из моих увлече-

ний. Не впечатлила их и лирическая подборка, вобравшая последние два года работы с литературными консультантами. Отец даже спросил:

– Хранить или в печку?

Я с чувством некоторой досады рассеянно ответил:

– Можно и на растопку.

Спустя некоторое время в душе появилось сожаление об этом решении, поэтому при следующей встрече с родителями я решил забрать свои бумаги, но они уже почти все вылетели в трубу. В течение нескольких дней мне удалось почти все восстановить по памяти, а возрожденные тексты я припрятал до лучших времен. Через год, посетив квартиру в Ташкенте, я забрал также свои черновики. Ну, а после того, как я все-таки издал сборник лирики и афоризмов, отец откуда-то извлек мою случайно сохранившуюся записную книжку, где на первой страничке было написано:

«Звездочка далекая моя...»

Звездочка далекая моя,
Ты где-то мерцаешь вдали,
Там – в вышине, вне земли
Блещешь ты, свет струя.
А вокруг тебя тысячи звезд,
Ты не одна в миллиардах верст,
Ведь у каждого своя звезда.

Когда я с интересом пролистал свои давнишние записи, старик спросил:

– Ну, а мое мнение хочешь знать про свое издание?

– Конечно! – ответил я.

– В общем, неплохо, но афоризмы лучше.

Затем отец попросил у меня несколько экземпляров книги для своих бывших и действующих коллег-учителей. Вот такая история.

Учителя словесности в то далекое время моей юности, требуя знаний по конкретным литературным произведениям программы обучения, постоянно предлагали своим юным поглотителям информации проявить творческие задатки в виде написания сочинений, стихотворений, или даже драматических произведений к праздничным спектаклям. Мой реальный мир в начальных классах зиждился на марш-

руте от деревни Белое, места работы и проживания родителей, до деревеньки Сеницы, где обитали дед с бабушкой по материнской линии. Сфера моего деятельного воображения включала также несколько ближайших весей, а также воспоминания о поездках в Бешенковичи, Витебск и Москву к двоюродной сестре. По побуждению наставников и собственным душевным порывам мы дружно всем классом рисовали, писали, клеили, строгали, мастерили, в общем творили. Листочки со своими «шедеврами» никто не пытался сохранить, и они имели судьбу осенних листопадов. Мой отец, видимо, заинтересовавшись с профессиональной педагогической целью, припрятал несколько текстов, дав им шанс выжить в океане письменности.

«Я вышел еще до восхода...»

Я вышел еще до восхода;
Стелился в низинах туман;
Дышала прохладой природа,
И птичий молчал балаган.

Тропинка до Репища быстро
Низиной меня довела.
Рассыпав звучаний регистры,
Промчались два быстрых крыла.

Шоссе изогнулось дугою,
Крупенино спит до поры.
Быть может, я встречу с тобою,
Минуя деревни дворы.

Сквозь леса зеленые арки
Вдруг солнце явило свой лик.
Роса лучезарно и ярко
Украсилась блеском на миг.

Уже в зрелые годы я внес незначительные изменения в это стихотворение. Литература была и остается одним из моих главных увлечений. Хобби – прекрасный способ отдохнуть от основной работы.

Заготовка дров – один из прозаических компонентов сельской жизни, но и в нем присутствуют рифмы бытия. Когда под навесом и возле стен сарая живописно желтеют аккуратно сложенные поленницы, и, постоянно попадая в поле зрения, напоминают о будущем теплом благополучии, а первый снежок с морозцем, изгнав пенициллиновую слякоть, внушает бодрость и оптимизм, душа хозяина начинает петь и возвышаться над обыденностью жизни.

«Ольхи обледенелые сережки...»

Ольхи обледенелые сережки,
Березки, хаты, дальний шлях,
Узором заячьи дорожки
На снегом запорошенных полях.

Несколько раз в своем несмышленном детстве я видел, как бабушка и некоторые из ее подруг гладили своими шершавыми ладонями с искривленными от постоянных нагрузок пальцами, словно детишек по голове, колосья пшеницы или ржи на своих небольших земельных наделах. При этом они о чем-то разговаривали с ними, как с живыми существами. Их чувства – людей переживших голод и страдания войны, иногда прятавшихся в наспех вырытых землянках, где основным продуктом порой были лепешки из лебеды, – мне были непостижимы.

«Солнце греет янтарные зерна...»

Солнце греет янтарные зерна,
Дарит свет свой крестьянскому полю,
Чтобы был хлеб и белый, и черный,
И не знал мир голодную долю.

Мне выпала удача в восьмом классе четыре месяца проучиться в городской школе в Люберцах Московской области. На уроке немецкого языка учительница предложила всем сделать стихотворный перевод «неизвестного» автора на русский. Первое место, по мнению учительницы, заслужил текст ученика, который всерьез увлекался поэзией и мечтал о поступлении в литературный институт. Задумалась она и над моими строчками, но сказала, что не хватает точности. А надо было так:

Певучесть строк поражала. Весь класс знал это стихотворение, но никто не догадался, что нам дали перевести оригинал строк Гете. В тот же день я рассказал об этом уроке своей двоюродной сестре. Она меня с интересом выслушала, а затем достала с полки небольшую книжечку о жизни Михаила Лермонтова. Я ее в тот же день прочитал и впервые узнал о том, что великий поэт владел стенографией и многие свои экспромты фиксировал скорописью. Как пример, была приведен стих: «Как ныне сбирается вещий Олег» в стено-

графическом варианте. Эта строка овладела моим сознанием и стала, если использовать современный язык программистов «командной», обязывающей, побуждающей на определенные действия. От сестры я также узнал, что в Москве есть специальные платные заочные курсы скоростного письма. Но четверть заканчивалась, и я готовился к отъезду. Любопытно, что итоговые оценки по всем предметам нам было доверено выставлять самим себе самостоятельно. Потом учителя сверяли их со своими решениями и уже сообща выводили итоговые. У меня не совпала самооценка с учительским мнением по двум предметам: по биологии мне поставили четверку, а я оценил себя в пять баллов; по труду мне поставили отлично, а я себе лишь хорошо. Уже возвратившись в родную школу своей деревушки, я решил все-таки сотворить что-нибудь в поэтическом размере знаменитого перевода. Позже, издавая свою вторую книгу, мне удалось из сохранившегося материала слепить следующий вариант, который я рискнул отдать на суд читателя.

«Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты».

Посередине зимы

Белая равнина,
Рощицы полей.
На пути рябина,
Ягоды на ней.

Слаще от морозов
Сделались они.
Снег, сверкая, множит
Искорки-огни.

Избы вереницей
Вышли на холмы,
Друг-соперник мчится
Лихо с крутизны.

Не качнутся ели,
Не вздохнет сосна,
В думу об апреле
Вся погружена.

Следуя однажды запущенному впечатленным сознанием душевному механизму «командной» строки, Государственные центральные курсы заочного обучения стенографии «ГЗОС» я окончил в ноябре одна тысяча девятьсот шестьде-

сят пятого года, о чем получил свидетельство Министерства просвещения РСФСР. То есть это было во время преодоления десятого класса Островенской средней школы.

Мне неоднократно приходилось помогать родителям в древесно-заготовительных походах, как во время обучения в школе, так и в студенческие годы. Если это происходило зимой, то надевались валенки, фуфайка, соответствующий головной убор и пешком по рыхлому снегу преодолевалось немалое расстояние, прежде чем очутиться в ольховых зарослях. В развилках веток застревало немало снежных хлопьев, а утренние солнечные морозы любили повеселить взор узорами инея. При первом же ударе по стволу с него свергалась белая лавина прямо на порубщика, словно защитный залп от нападения. На месте срубленной ольхи в последующие годы стремительно появлялась новая поросль, так что местное население всегда было обеспечено топочным материалом. Ольха – довольно мягкое дерево, легко рубится, хорошо отдает тепло, мало оставляет сажу. Через несколько минут работы становилось жарко и приходилось снимать верхнюю одежду, а иногда и свитер. Когда куча древесных стволов подрастала до двух-трех стандартных санных возов, наступала отрада от завершения работы. Можно было возвращаться домой и готовиться к отъезду в институтское общежитие.

«Делится щедро ольха серебром...»

Делится щедро ольха серебром,
По лесу ходит мужик с топором.

Хочет она от него откупиться,
Некому ведь за нее заступиться.

Гордому дубу она не нужна,
Инея блещет на нем седина.

Рядом возросшие с нею соседи
Срублены были все вместе намедни.

Делится щедро ольха серебром,
Но его много повсюду кругом.

Когда я гостил у бабушки в Синицах, она меня угощала самостоятельно испеченными хлебами. И пока они доходили в печи до готовности, в доме стоял удивительный аромат. Вставала бабушка Кристина летом рано, еще до восхода солнца. Запах хлеба встраивался в мой сон, и представлялось, что с востока по небу вместо солнца движется желтый хлебный каравай. От него исходило нежное тепло, и оно чувствовалось рукой, лежащей поверх одеяла и лицом. Мне хотелось поднять руку и отломать коричневатую сухую хру-

стящую внешнюю часть светила и съесть ее, но неподъемная тяжесть в теле делала невозможными любые движения, не удавалось даже открыть глаза. И только голос друга, слышимый со двора, выводил меня в реальный мир восприятий. С той эпохи память извлекла ниже приведенные строчки.

«Солнце выпеклось в оконце...»

Солнце выпеклось в оконце
Круглым желтым караваем,
Голос лета ласки полный
Слышался над краем.

Берег речки подружился
С рыбаками, ребятней;
День веселый закружился
В пляске жизни разбитной.

В девятом и десятом классах мне пришлось очень интенсивно работать над учебниками, во-первых, потому, что ликвидировался одиннадцатый класс, и снова вводился десятилетний срок обучения; программа была уплотнена; во-вторых, я хотел окончить школу с медалью, чтобы легче было поступать в институт. Мне удалось осуществить свои планы.

Среди студентов было много эрудированных, талантливых ребят и девушек. Кроме основных медицинских дисциплин им были под силу и другие роли. Стихосложением владели практически все, но с душой увлекалось лишь несколько человек. Мы писали песни собственного сочинения, эпиграммы друг на друга, посвящения своим избранницам. Спустя многие годы, между записями в своих медицин-

ских конспектах, которые шли на растопку дров, я выудил несколько более или менее сносных текстов.

В нашем молодежном коллективе будущих врачей царили не только дружба, товарищество и взаимопомощь. Мы соперничали, так как этот инстинкт никто не отменял, иногда конфликтовали и ссорились, но дело до драк и физического насилия над слабейшими соперниками никогда не доходило – ограничивались спортивными состязаниями, силовыми единоборствами на руках, умственными потасовками.

Однокурснику

(дружеский шарж)

Глаза его на выкате,
А неуклюжий рот
В смешном гориллы прикусе
Без устали жует.

Как негра, кожа темная,
Курчавый бег волос,
Лицо припухло скромное...
Где вырос он – вопрос?

Сообщество звериное
Для Ното не пример,
Пусть даже сердце львиное,
Суждение змеиное, —
Он все-таки не зверь.

Свои конспекты лекций на первом курсе я начал писать с помощью стенографии, изредка вставляя слова с привычными буквами. Я не испытывал никаких проблем, чтобы успеть за речью преподавателя. Потом начались экзаменационные сессии. Вот тут то и вскрылся подвох моего навыка. Если привычные для зрения буквенные тексты запоми-

нались быстро и легко, то стенографические не с первого раза и значительно медленнее. А некоторые сложные термины мне не удавалось расшифровывать. Пришлось обратиться за помощью к однокурсницам. Одной из таких была студентка, жившая в городе в частном секторе. Возле ее дома в саду росло много разнообразных цветов, которые посадила ее мать. Ранней весной первыми начинали веселить территорию подснежники, затем незабудки, потом покрывался белыми узорами весь сад, пробивались тюльпаны, рядами выстраивались розы. И так все лето до глубокой осени. Мне нравилось туда приходить. В последующем я стал оформлять свои записи, как и все студенты, прибегая к стенографическим приемам лишь в те моменты, когда намечалось отставания от лектора.

«В твоём саду хочу остаться...»

В твоём саду хочу остаться,
Цветочным вырасти кустом,
Чтоб восхищенно любоваться
Фигуркой стройной и лицом.

Чтоб ты ко мне склонялась ниже,
На розы тонкий аромат,
И, не заботясь о престиже,
Носила ситцевый наряд.

По субботам, студенты, которые поступили в институт из ближайших районов и весей, выезжали к своим родителям, чтобы заготовиться продуктами на очередную неделю. Село, как всегда кормило город. Я не был исключением и, если не имел заблаговременно купленного билета на автобус, спешил на автовокзал. Посадка в общественный транспорт пригородного назначения в предвыходные и предпраздничные дни в те годы напоминала сюжеты из фильмов Чарли Чаплина. Происходило все примерно так. Когда пассажиры видели, что к посадочной площадке приближается автобус с табличкой маршрута их направления, то с десятков человек бросались прямо под колеса, так что водителю приходилось резко тормозить и останавливаться, не доезжая до края плат-

формы метра полтора. Камикадзе тут же сплоченной группой устремлялись к двери, за которой в полной боевой готовности стоял контролер, готовый ко всему. Едва створки двери расходились, в них сразу по двое, как гуттаперчевые, начинали протискиваться счастливики из числа пассажиров, предъявляя билеты и занимая наиболее удобные места. В билетах, хоть и была указана диспозиция, но эта привязка осознанно не соблюдалась. Иногда в дверь проскальзывал безбилетник. В такой момент начиналась дуэль между контролером и пойманным за уши «зайцем». «Косой» клялся, что потерял билет, и что он заплатит водителю, но контролер, а в девяноста девяти процентах случаев контролерша, своей грудью преграждал дальнейший путь. Образовывалась пробка. В толпе пассажиров начиналось брожение и закипание. «Зайца» сообщая стаскивали со ступенек транспортного средства. Посадка возобновлялась. Автобус наполнялся до предела. Пока контролер был занят, группа безбилетников успевала договориться с шофером о месте дополнительной строго засекреченной посадки за зданием автовокзала в двадцати метрах от выезда на главную улицу. Наконец со скрежетом включалась первая передача перегруженного «ЛАЗа», и он с трудом трогался с места. Я никогда не старался сесть, поэтому в отряд штурмовиков не входил. Расплатой за такое спокойное поведение было стояние все дорогу, а на первых километрах, до первой остановки нередко на одной ноге. Итак, автобус поехал, но в условленном месте

его уже ждали безбилетники. Как они втискивались внутрь, трудно представить, но водитель забирал всех, так как ему нужна была наличка для срочных ремонтов своей кормилицы. Потихоньку автобус разгружался, и становилось вольготнее. В Островно выходил и я. Дальше три километра шел пешком.

Шла последняя декада марта. Снег стремительно таял. Небо ласкало глаза синевой и бесконечностью. Начинали обнажаться возвышенности и на них устремились зимовавшие птицы в поисках пропитания. Ноги пружинили, подтаявший снег крошился, душа пела.

«Я в роще...»

Я в роще
на первом
грачином
концерте.

На редких
проталинах
пашня видна.

Поляна под снегом,
как в белом конверте,
ушедшего года
хранит письма.

Без устали
радуют
вешние
вести,
я чувствую снова порывы души,
сердечной мне хочется ласки и лести,
и майские манят уже рубежи.

Неизгладимые впечатления остались после работы в студенческом строительном отряде летом после второго курса. Новые невиданные ранее степные полупустынные пейзажи,

марева и миражи впечатляли и будоражили воображение.

«Романтиков строительный отряд...»

Романтиков строительный отряд...
Ну, как не вспомнить Азии просторы,
Где летом в знойном мареве парят,
Голландцами таинственными моря,

Кочующие вечно миражи.
Там в хижине, единственной до края,
Ютились люди редкостной души,
Гостеприимно нас всегда встречая.

А мы ударно делали саман,
В степных равнинах строили кошары,
Лепешки обожали и айран
И покрывались золотом загара.

Концерты посвящали Фатиме,
Красавице из ближнего аула;
Гитара наша слышалась во тьме
И голос подпевающего мула.

Потом владела нами, как гипноз,
Безумная отрада лунной дали.
А после на прощание совхоз
Вручил нам самодельные медали.

Снова годы учебы и осенние поездки в колхозы. Молодость неизменная спутница романтики.

«Порой начальной осени...»

Порой начальной осени
Студенческий заезд.
Картофельные площади
Засеяны окрест.

Копалки не соперницы —
То вязнут, то ремонт;
Лишь мы и наши сверстницы —
Страды ударный фронт.

Под лексику народную
И реплики коня
Крошилась многоплодная
Бороздами земля.

И слышалась латиница
В наречиях дворов:
То uна, то сангвинитя,
То vale – будь здоров.

Мы вдохновенно слушали
Гудение в печи
И с аппетитом кушали
Борщи и калачи.

И помнятся моления
Старушек у икон...
Сынам погибшим нет забвения,
По ним церковный звон.

А вечерами ранними
Мы приходили в клуб,
Стоящий на окраине
Добротный крепкий сруб.

Надеждами лучистыми
Влекла нас жизни суть,
Ее авангардистами
Мы начинали путь.

За недолгое время работы на селе мы привыкали к хозяйкам, у которых временно проживали, а они к нам. Расставались грустно, как родные.

«Мы у черта на куличках...»

Мы у черта на куличках
Месим дней осенних грязь,
Учим местные привычки,
Уловив событий связь.

Здесь застряли в прошлом веке
Люди, вера и судьба.
Мы сегодня дровосеки, —
Не остудится изба.

Тут студенты ненадолго.
Улетит веселья шум.
У печи в фуфайке волглой
Дед сидит во власти дум.

Следующее стихотворение связано с воспоминаниями о поездках на пароходе по Западной Двине. Когда-то по ее фарватеру курсировала «Ракета» на подводных крыльях, а еще ранее, в мои студенческие годы, небольшой белый катер с палубой, на которой можно было стоять, дышать воздухом проплывающих мимо боров и любоваться окрестными береговыми пейзажами. Когда мне не удавалось достать билет на автобус, я садился на этот пароход и выходил на берег между Лучками и Пушкирями. Далее шел до дома пеш-

ком. Об этом маршруте узнали мои однокурсники, и стихийно организовалась группа заядлых туристов, в число которых я входил с первого курса. Состоялась поездка с ночевкой, рыбной ловлей, костром и ночным купанием. Было много шуток, смеха и веселья. Назад возвращались на автобусе через Островно.

Ночевка

Мы убегаем от забот,
Покинув город, смог и флоксы.
Везет нас белый пароход,
А разум тешат парадоксы.

Взлетели искры от костра,
Лесное озеро уснуло,
А ели ветви-веера
Над водной гладью изогнули.

Под звездной люстрой полумрак.
Послышалось дыханье зала:
Приемник выловил «Маяк»,
Чудесно музыка звучала.

Горящих веток слышен треск;
Стояли сосны ровным строем;
Волны дремотной тихий плеск;
И бабочек круженье роем.

В закатном плавилась огне
На тучах светлые полосы;
В ночной, пугливой тишине
Взлетали стаей отголоски.

Забытый миф был снова жив.
Беззвучно танцевало пламя;
Себя легендой окружив,
Ее мы частью стали сами.

Фиксацию событий своей жизни я любил больше всего производить с помощью фотоаппарата. Первым чудо-прибором, который мне подарили еще в школьные годы, была «Смена». С фотоделом я не расстаюсь до настоящего времени. С удовольствием использую в этом увлечении современные цифровые форматы. С помощью лирики отображается совсем иной душевный пласт.

Однажды в читальном зале я познакомился с интересной студенткой. Она была на два курса младше. Поступала в литературный институт, но неудачно. В итоге решила посвятить себя медицине. Она знала множество стихов Александра Сергеевича Пушкина, да и других авторов, наизусть и была очень интересной собеседницей. На вершине увлечения я для нее написал целую тетрадь всевозможных шуточных рифмованных тирад, среди которых было следующее четверостишие:

«О, наглость твою не измерить!..»

О, наглость твою не измерить!
И нет единицы такой,
Которой мне можно поверить —
Они все от мили морской.

В результате все мои подаренные ей творения оказались в мусорном ящике, а мы поссорились. Потом при встречах, правда, всегда вежливо приветствовали друг друга.

Позже вместе с одним мастером гитары с младших курсов мы сочинили песню уже для другой студенческой красавицы. Первоначальный текст канул в Лету. Остался только небольшой фрагмент.

«Словно соткалось из света...»

Словно соткалось из света
Прекрасное имя твое,
Дарю тебе нежность букета,
В нем каждый цветочек поет.

Следующие три стихотворения – результат моей обработки студенческих черновых записей.

«Ты из морозного сиянья...»

Ты из морозного сиянья,
Из синевы и белизны
Внесла огонь очарованья
И ощущение новизны.

Стряхнула хрупкие снежинки
С воротника и рукавов,
Скатились таянья слезинки,
Был слышен гул восторгов, слов.

Оставив зимние одежды,
Предстала в белом платье ты.
Казалось, я не видел прежде
Такой внезапной красоты.

Меня всегда изумляла способность женщин к перевоплощению. У девушек студенток в силу их способности к импровизации это проявлялось с особой выразительностью. Сидя на лекциях или практических занятиях рядом с ними, привыкаешь к их природным проявлениям внешности, незатейливым прическам, простым и практичным нарядам. А когда на студенческом музыкальном мероприятии сталкиваешься лицом к лицу с какой-нибудь сказочно красивой принцессой и узнаешь в ней свою однокурсницу, с кото-

рой сидишь вместе на занятиях, то в голову приходит мысль о том, что морфологическая трансформация, существующая у некоторых видов, унаследована и даже развита прекрасным полом.

«Ты – вечера очарованье...»

Ты – вечера очарованье;
Значеньем наполняешь час.
В других не ищешь пониманья,
А просто покоряешь нас.

Тебе не трудно зло заставить
Пожить в обличье доброты,
Ты целым миром можешь править
И тешить робкие мечты.

Ты нынче королева бала;
И подданным внушаешь страх:
А вдруг случайная опала
Все превратит надежды в прах?

Устав наш бал разнообразить,
К себе вернешься ты домой.
Померкнет сразу светлый праздник —
Отрада всех в тебе одной.

Годы студенчества пролетели в одно мгновение. На выпускном вечере определялись последние медицинские семейные пары, была дана воля чувствам, преподаватели становились коллегами. Потом наступал серьезный день осно-

знания прав и ответственности.

«О, дивный торжественный бал...»

О, дивный торжественный бал,
Ты – праздник, волнующий души влюбленных,
Уверенных, радостных и вдохновленных,
Нарядами красящий зал.

Прощания близится грусть.
Взаимность открыта, а ты так прекрасна.
Над нами звучащая музыка властна...
Но время назад не вернуть.

Едва ли все встретятся вновь,
Но с нами надежда грядущих свиданий.
Готов я на бремя суровых страданий
За встречную в сердце любовь.

Я был призван на два года, но в силу сложившихся обстоятельств решил продолжить службу. Пробовал поступать по инерции своих побуждений в адъюнктуру. Не поступил. Меня обещали взять в следующем году, но этой перспективе я не поверил и решил заняться практической хирургией, то есть тем, к чему себя готовил и чем любил заниматься. В институте я посещал несколько хирургических кружков, писал студенческие научные работы. Бывая на кафедрах, четко уловил, что талант и знания там были не всегда

на первом месте. Нужно было еще обладать способностью к интриганству и подхалимству. Эти задатки у меня были не развиты, значит, и перспектива была в тумане. Осознание этого стало одной из причин, что я не решился оформлять документы в адъюнктуру повторно с шансами попасть на кафедру эндокринологии при Военно-медицинской академии.

Однажды в период службы в Восточном Казахстане я решил послать в несколько центральных периодических изданий свои литературные пробы. Вскоре начали приходиться уклончивые ответы о невозможности напечатать стихи, но с пожеланием творческих удач. Отклик из «Красной звезды» меня обрадовал и удивил. Автор письма сообщал, что в моих стихах есть нечто от высокой поэзии, но текст нуждается в доработке. Дальше шел подробный разбор стихотворных строк. Однажды я решил поучаствовать и в журнальном конкурсе фантастических рассказов. Придумал, как мне сейчас кажется, довольно примитивный сюжет и отправил по указанному адресу. Пришел поощрительный ответ, но не подошел размер рассказа. Я слишком размахнулся своим воображением. Для своей второй книги «Пять лепестков года» мне удалось изыскать лишь несколько душевно-лирических всплесков, воплотившихся в рифму, связанных с тем временем. Оригинальный текст этого стихотворения затерялся. Пришлось восстанавливать по памяти и вносить изменения при подборе некоторых слов.

«Открыла проспекты трамваям заря...»

Открыла проспекты трамваям заря;
И город, опутанный рельсами,
Потоки людские заботой вихря,
Помчался привычными рейсами.

Деревья у дома – подобье ресниц;
Балконы – оправы очковые, —
Казалось, прикрыли проемы глазниц;
Залязгали двери засовами.

Блеснули лучей золотые клинки,
Помчалась небесная конница.
И с белым туманом над гладью реки,
Ушла сторожиха бессонница.

Пусть где-то таился еще полумрак,
Укромное выбрав пристанище,
Но солнце уже свой возвысило флаг
И заняло мира ристалище.

Порою меня навещали сны о городе студенчества, по которому разъезжали любимые всеми жителями трамвайчики. Они мягко и ритмично постукивали на стыках рельсов

колесами, вспыхивали контактными молниями при старте и весело позванивали, предупреждая прохожих об опасности. Троллейбусных линий тогда еще не было. А как красивы были городские кварталы весной, когда расцветали яблони и вишни! Лучеса и Песковатик утопали в цветущих садах, пригородные автобусные маршруты отбеливались на всем своем протяжении зарослями черемухи. Поездки в это время напоминали полет на самолете через белые облака.

«Весна...»

Весна.

Пассажиры...

А солнце – трамвай.

Была остановка.

Название – «Май».

В просторы мы вышли

и с нами свидетель —

в краях луговых

заблудившийся ветер.

Улыбка твоя,

словно алый цветок.

Я с чувственной кручи

бросаюсь в поток.

«Вишен цветение...»

Вишен цветение
вышло на улицы,
снова попал я
на бал лепестков.
Кончилось соло
весенней распутицы,
вырвалась зелень
из зимних оков.

Когда ставить дату под стихотворением? Когда пришла идея? Когда написана первая строфа? Когда написана последняя строка? Или после последней правки? Я думаю, что над этим не стоит ломать голову. Автор вправе решить эту проблему по своему усмотрению.

На пароходе

Туман клубится белый
В излучинах реки.
Пускает солнце стрелы
В стремнину и буйки.

С мечтою мы на старте...
Плывем меж островов.
Терзают флаг на мачте
Порывы всех ветров.

Волны прибрежной плески,
Крутые виражи,
Цветущие пролески,
Пугливые стрижи.

В Курчатовске я случайно купил (на книги был дефицит) два тома сочинений Владимира Маяковского и с огромным удовольствием перечитывал некоторые его вещи по нескольку раз. Потом сделал выписки и распечатал их, выучивал наизусть. Поэт революции до настоящего времени числится среди моих любимых авторов. Возможно, что ниже приведенные строки из моей записной книжки являются попыткой подражания.

«Откуда эта...»

Откуда эта
досада-прореха?!
Чувством
истекаю
словно...
Это острием вашего смеха
я обескровлен.

Я думаю, что в памяти сохраняются только те вещи, на создание которых тратится больше энергии, значит, они оставляют более сильный биоэлектрический отгиск в мозгу. Следующие строфы также урбанистического характера.

«Преодолев усталость...»

Преодолев усталость,
Утро венчает труд.
Сменам ночным досталась
Грузная цепь минут.

Физик своих открытий
В космос продлил череду,
Но в каталог событий
Время несло беду.

Лайнер исчез с экрана...
Пятит глаза испуг.
Коль не вина бурана,
Значит злодейства слуг.

Воин стоял на страже,
Древний дремал вулкан,
Воры попались в краже,
Утро в крови от ран.

Во время пребывания в Забайкалье я работал по специальности, то есть врачом-хирургом. Свободного времени было мало. Точно фиксированной даты написания у моих лирических творений нет. В течение нескольких лет я обычно

набирал материал, в котором будущие стихотворения представляли собой короткие наброски из нескольких строк. Для меня были важны первая строка и строфа. Как только я их придумывал, остальное становилось делом техники, и весь текст можно было доработать позже в спокойной обстановке. Таким образом, работа и хобби не мешали друг другу.

«Городок был затерян надежно...»

Городок был затерян надежно,
Как избушка в безлюдной тайге,
И текла его жизнь односложно,
Вторя ямба в знакомом стихе.

Там не ищут себе привилегий,
Где тревог обозначена суть.
Словно время, застывшее в беге,
Ледника обрывается путь.

Не забудутся горы и сопки,
Величавый скалистый пейзаж,
Перевалы, речушки и тропки,
И портрет милой юности ваш.

Забайкальские пейзажи очень красивы, особенно в летнее время, недаром их сравнивают со швейцарскими. Мне немало пришлось поколесить по просторам Забайкалья во время проведения учений, на которых я присутствовал в качестве врача и отвечал за оказание экстренной медицинской помощи. В редкие выходные дни организовывались коллективные выезды семьями на ягодники или за грибами. На последнем году службы в тех краях я приобрел автомобиль и мы всей семьей – я, жена и дочь – несколько раз ездили к источни-

ку минеральной воды в Дарасун, где находился одноименный санаторий. По химическому составу дарасунская вода сходна с кисловодской и относится к нарзанам. По легенде к прославлению этого источника причастна младшая сестра Чингисхана, которая составила рецепт тарасун-вина, или живой воды. Туда входил сок девяти цветов на молоке, кусочек мяса бешеного животного, часть копыта быстрого коня, огонь и частица сердца мудрого человека. Ну, последние две составные части, я думаю, не нуждаются в дополнительном пояснении. Минеральную воду «дарасун» называют еще «красной водой», потому что, постояв, она приобретает бурый оттенок. Когда внушаешь себе, что вода полезна, она становится и вкусной.

На своем авто мы посетили также долину реки Молоковка, где располагался военный санаторий имени этой же речушки. Тамошняя минеральная вода, богатая радоном, использовалась для лечебных ванн и привлекала многих людей, желающих поправить свое здоровье.

В долине

На горных кручах вечные снега,
Камней и льда немое сочетание,
А здесь внизу зеленые луга
И жизни вездесущей трепетанье.

В отрогах гор, в урочищах лесных
Одаривают ягодники щедро.
Тайга не знает местностей пустых
И стережет таинственные недра.

Из ягод солнце делает вино,
Повсюду трав волшебные настои,
У горной речки каменисто дно,
И валуны шлифуются водою.

Таежный воздух нас пьянит слегка,
Пейзажи вызывают восхищенье,
А в быстрых струях повесть ледника
И вольная энергия движенья.

«У берега тропа нырнула в воду...»

У берега тропа нырнула в воду
За леденящим холодком.
По ней мы дружно подтянулись к броду,
Уж кое-кто и босиком.

Июньское разгорячилось солнце,
Переливаясь на волнах;
И белизной просвечивало донце
На мелководе в бурунах.

С авто, людьми и лошадью с повозкой
К причалу подплывал паром;
На палубных покачиваясь досках,
Паромщик действовал багром.

Стремилось вниз холодное течение
С заснеженных сибирских гор;
И сердцу предлагалось откровенье,
Как с возвышения простор.

У меня были знакомые из числа летчиков. Несколько представителей от летной медицины проходили в медсанбатовском хирургическом отделении специализацию по вопросам диагностики и неотложной помощи. В знак уважения

к людям этой профессии я сочинил следующий лирический этюд.

Пилотаж

Стремясь к мерцающим далеким звездам,
За горизонтом исчезают трассы.
Клубящиеся белые борозды
Прокладывают опытные ассы.

Полетное мгновенье на пределе
Сердечных сил и созданных конструкций,
И дразнит злая одержимость цели,
И до рефлексов знание инструкций.

У испытателей иное время —
Напоминает сжатую пружину
Они – самоотверженное племя
И строг отбор в их славную дружину.

В период службы в Центральной группе войск, где я занимался, как хирургией, так и организацией донорства, меня на досуге увлек литературный жанр афоризма. Удалось собрать значительную коллекцию высказываний. Написал также несколько лирических текстов.

Координаты рождения

На звездной арене,
в солнечной системе,
на планете
по счету третьей,
судьбу обрета,
родилось дитя.
На теневой стороне
в пять сорок пять,
в месяце октябре,
тридцать первого,
при полной луне...
Уже было холодно на дворе.
Город Брунталь.
Горящие фонари.
Сумерек шаль.
Пустующие дворы.
Повернулась добрая планета
в сторону света
и жизни первый день
начался для Оли
и для многих других новорожденных.

«Чувства свои...»

Чувства свои,
объединив, —
мы, —
словно воскресли.
Наша любовь —
это мотив
радостной песни.
Мы ее
с тобой слышим
даже издалека,
воздухом одним
дышим,
так ты близка.

Кумир

Солист урочищ и полей,
Питомец славы соловей,
Поет нам арии и песни
Все изощренней и чудесней;
И внемлет пенью соловья
Завороженная земля.

Ассоциация

Лилии,
лебеди,
облака, —
белые,
как наряд на невесте,
быстрого бег рысака —
радости светлые вести.

Как то, проезжая по одному из живописных мест, на камнях я заметил надпись белой краской: «Здесь был Хеопс».

«Туристам говорят гиды...»

Туристам говорят гиды:
«Древние пирамиды
Неподвластны времени!»
Стоим у вечности
на сцене мы.
Пирамидами фараоны
зарубки
ставили
на столетиях.
Исторические персоны
и немые свидетели.

(ветер времени, либо река – все равно хочется поднять паруса)

Приобщение

Всерьез лирикой я увлекся лишь в конце восьмидесятых годов в Ташкенте благодаря литературным консультантам Морицу В. А. и Феськову А. С., сумевших разбудить в моей натуре дремавшее творческое самолюбие и помочь поместить в одна тысяча девятьсот девяносто первом году в печати несколько произведений. Я давно заметил, что с помощью безбумажного сочинения стихов очень хорошо коротать время в дороге. При мне всегда была записная книжка, в ней, при случае, я оставлял пометки. Потом я перечитывал наброски и многое выбрасывал. Однако некоторые вещи не уничтожались и почему-то прочно застревали в памяти.

Все рифмованные тексты, что приведены выше, были написаны, как дневник, для памяти, а не для суда читателей, поэтому я не предлагал их для периодических изданий.

У нас в квартире набралась целая библиотека книг для детей. Все, что выпускалось, мы старались купить. Присылали внучкам книги также бабушки и дедушка. Чтобы сохранить все в целости, я даже начал их сортировать по размеру и переплетать. Как то меня в шутку дочери попросили написать для них детскую книгу стихов. Через некоторое время я набросал около сотни текстов в необычной манере изложения и пару стихотворений в привычном общепринятом формате. Все написанное отнес в одно из издательств самостоятель-

но, так как уже удостоверился на практике, что почтовые отправления редко заканчиваются удачей. Свои труды я вручил лично заведующей. Это была полная черноволосая узбечка, одетая строго официально с подобающей своему образу прической. Она поинтересовалась, не открывая папку, ее содержимым.

– Что тут?

– Стихи для детей! – ответил я.

Она с удивлением посмотрела на стоящего перед ней военного в звании подполковника медицинской службы.

– И что вы хотите с ними сделать?

– Напечатать, – спокойно ответил я.

Поборов мучившие ее сомнения, она взяла телефонную трубку и попросила зайти к ней одного из своих сотрудников. Когда тот вошел, она пригласила его присесть и сказала:

– Владимир Александрович, прочитайте, пожалуйста, вот эту рукопись и напишите свою рецензию.

– А что за жанр? – поинтересовался писатель.

– Стихи для детей.

– Так я же прозаик!

– Ничего, разберетесь. Если вам понравится, то поэтам тем более.

Мориц, такова была фамилия у сотрудника редакции, обещал через пару недель позвонить. Но связался он со мной гораздо раньше. Мы встретились в назначенное время.

– Ну, в общем, для печати не годится, – сухо оповестил

он меня о своем мнении и стал следить за моей реакцией.

Я же был абсолютно спокоен, так иного ответа не ждал и протянул руку за своим трудом, чтобы покинуть учреждение. Однако мой критик продолжил разговор:

– А что это за стиль изложения вы выбрали? Я такого еще не встречал.

– Я решил поэкспериментировать.

– Ну, это позволительно только мэтрам! У вас там более сотни стихов! А вот два из них неплохо написаны. Вам нужен официальный ответ.

– Нет, не надо.

Владимир Александрович дружески улыбнулся и поинтересовался:

– А вы сможете написать десяток стихотворений, как те два, которые я отметил плюсом.

– К какому сроку принести?

– А как напишите, так и приходите.

Сотворив более десятка новых стихотворений, и, прихватив подборку своих опусов взрослого образца, я отнес все Морицу для оценки. Через пару дней он мне позвонил и назначил место встречи на улице неподалеку от своего дома.

– Вот это совсем другое дело, – сказал он, когда мы пожали друг другу руки. – Зайдите ко мне в издательство, можно послезавтра. Я напишу положительный отзыв. Поначалу я с вами вообще ничего не собирался обсуждать, когда начал листать первую рукопись. Хотел сразу забраковать, но потом

наткнулся на два стихотворения, которые меня заинтересовали. И я подумал, что тут не так все просто. И вообще перестаньте маскироваться под детского поэта! Зачем вам этот лепет? У вас же есть творческая искра. Пишите серьезные вещи! Не бросайте!

– Я же врач...

– Да, понимаю, что это хобби. Но если что-либо собираетесь печатать для других, то это должно быть на профессиональном уровне, в противном случае достаточно самиздата.

А потом настала одна тысяча девятьсот девяносто первый год и судьбы миллионов людей стремительно перевернулись.

1987

Древний караванный маршрут из Китая через страны средней Азии и Кавказа вплоть до королевств Западной Европы из-за непредвиденных опасностей и сложности местности скорее можно было назвать тернистым, чем шелковым. Торговцам нужно было пересекать горные массивы и безжизненные песчаные пространства, переплывать реки, отбиваться и откупаться от любителей легкой наживы.

Я продолжил службу в Средней Азии в Ташкентском окружном военном госпитале имени П.Ф.Боровского и в своих частых командировках побывал практически во всех городах этого древнего пути.

«В давнишние годы...»

В давнишние годы
сквозь зной и невзгоды
по пыльным барханам
брели караваны
с восточным товаром
и сурой, где суть,
и позже недаром
Великим был назван тот шелковый путь.

«За барханами...»

За барханами
у небесной межи
рождались зыбкие миражи,
в знойном воздухе плыли
облака-эскадрильи,
и в таинственные города
уводила меня тропа.

«Там, где прошли лавины...»

Там, где прошли лавины,
С боем идет взвод.
Кровь на снегу стынет.
Путь лишь один – вперед!

Если убьют тело,
То еще шагов пять
Двигаться можно смело,
Прежде чем навзничь упасть.

Если убьют душу,
Много еще лет
Можно топтать сушу,
Используя крепкий скелет.

Белый в горах иней.
Туча внизу плывет.
Небо сквозит синью.
Путь лишь один вперед.

«Двугорбые верблюды...»

Двугорбые верблюды
Идут тропой в пески.
Куда они? Откуда?
Кому везут тюки?

А воздух раскаленный
Качается, дрожит...
Седой и умудренный
Погонщик вдаль глядит.

«По воле все Аллаха», —
Так думает старик.
Без почестей и страха
Давно он жить привык.

В предгорье

На горном склоне, —
На валуне-троне, —
Сидит орлица —
Степей царица...

И взглядом острым
Пронзает дали.
По травам пестрым
Промчались лани.

Средь скал архары
Не видят зверя,
Внизу отары
И вход в пещеры.

«Отныне солнце – щедрый казначей...»

Отныне солнце – щедрый казначей,
На липе новый желтоватый терем,
Который накануне был ничей,
Скворцом на проживание проверен.

Избраннице души, лишь ей одной,
Певец весны изобретает трели.
В земных делах отсутствует покой,
А жизнь лишь средство для извечной цели.

Повсюду рвения бушует дар.
Природа источает вдохновенье,
А наши дети – это гонорар
За все любви грядущие мученья.

Засуха

Поселок духотой измучен,
Живое пряталось в теньке,
Не бороздили небо тучи,
Суда не плыли по реке.

Над изнывающей равниной
Сияло солнце в полный рост,
Вдали клубился за машиной,
Как за кометой, пыльный хвост.

Давно в колодцах на подворьях
До дна исчерпана вода,
Трава пожухла вся на взгорьях,
Струилась прахом борозда.

Чтоб жажду утолить селенья
Едва хватало родника.
В избушках тихие моленья
Не слышал бог издалека.

В пустыне

В тени баобаба
У кромки ручья
Сидели арабы,
Лепешки жуя.
Они рассуждали, возможно, о том, —
Как им баобаб переделать под дом.
В стволе баобаба большое дупло,
В нем может укрыться,
В нем может вместиться
Из нескольких маленьких хижин село.

Лепешки доели
И дальше пошли
Они к своей цели
В пустынной дали.
По правилам древним арабы живут,
Средь знойной пустыни их жизненный труд.
С верблюдом двугорбым один был араб,
Он вместе с другими
Шагал по пустыне
И звали его, как и многих, Ахмад.

«Ко дню рождения дочери НАТАЛЬИ...»

Ко дню рождения дочери НАТАЛЬИ

Тебе сегодня четырнадцать лет.
На многое в жизни ты знаешь ответ,
однако послушай совет.
Как быть полезной и нужной,
живя легко и дружно?
Известно, что вежливость и доброта
не стоят большого труда,
но для других это самое дорогое и ценное.
Как выбрать профессию?
Их ведь целая вселенная!
Выбирай самую желанную и сокровенную.
Работа в тягость – это не радость.
Как стать счастливой?
Одной достаточно иметь семью...
с детьми двумя, другой – с семью.
Кому-то трудности подавай,
необжитый край.
А иному – готовый рай.
Ощущение счастья зависит от воспитания,
трудолюбия и старания,
и всегда от желаний, которых, чем больше,

тем до счастья дольше.

Минуют школьные года,
бесповоротно, навсегда...

И будет бал,

веселья шквал,

тебе подаренный букет,

и классом встреченный рассвет,

и аттестат, и alma mater – институт,

а тут твой лучший друг – упорный труд.

Репетиция

Ветров осенние оркестры
Уже звучат наперебой.
Ветрам, конечно, слышать лестно
Хвалу несомую листвою.

В аллеях парка, в гулких скверах
Свои пюпитры разместив,
Без объявления премьеры
Они играют свой мотив.

Порой осенние оркестры
Меняют свой репертуар,
Определив событий место,
В жестяный бубен шлют удар.

Беля береговые кручи,
Венчая осени сезон,
Завьюжил снег из сизой тучи.
Он первый, – значит обречен.

Жертвоприношение

В саду тигрица-осень...
Все явственней за листопадом
Зимы белеющая проседь...
Все ж не о том баллада.

Жаль, ураган-охотник
Не пощадил ее в капкане;
Метлою вымел шкуру дворник,
И сжег, как сор, на яме

С кленовою листвою
Шуршащею и золотистой,
Увы, опавшей, неживою
Туманным утром мгlistым.

Агония

Колючих капель мелкая шрапнель
До боли ранила лицо и руки;
Кружилась вихрей лихо карусель,
И корчился ноябрь в предсмертной муке.

Потоки, распирая берега,
Неслись в бурливом русле реки;
Из туч летела снежная фольга
И думалось о теплой русской печке.

На зданиях дрожали витражи,
До горизонта небо было хмуро;
Все круче исполняла виражи
Над городом бушующая буря.

Веселья не мигали маяки;
Неся с предгорий вой шакалий,
Шершавые ненастья языки
В садах листву последнюю срывали.

1988

Драгоценность

Даль солнце ограничило,
Земля, как бриллиант.
Небесное горнило-
Наш жизненный гарант.

И в каждой яркой грани
Открыт чудесный вид:
Вот степью мчатся лани,
Там гор восстал гранит.

Суровые пустыни,
Зеленые поля,
То проблеск моря синий,
То вся в цветах земля.

Творения природы
В коллекциях планет.
Под светлым небосводом
Прекрасней мира нет!

Возвращение

Подножья гор снегов снимают шубу;
Разросся мак кроваво по степи;
В распадок путь прикрыли скалы-зубы,
Песок у ног струится и скрипит.

Взывает ветер бешеной собакой,
Течет река с вершин от ледника;
И явь была, что кончилась атака
На выдохе последнего броска.

Война не видит правых и невинных;
И жертвы стон не трогает небес;
Недвижных гор простреленные спины
Дорогу перекрыли на Термез.

Остановка

Полдень солнечной короной
Возвеличил небеса.
Под густой платана кроной
Тень прохладу поднесла.

Плов желтеет, как ромашка,
В трехпудовом казане.
Спит верблюд, забыв про жвачку,
При довольстве и тепле.

Вдохновляется чайханщик
И с пиалой тут как тут:
«Я для вас теперь заправщик,
Обслужу за пять минут!»

Горным медом пахнет дыня,
На сухих губах песок;
Беспощадная пустыня,
Дай живительный глоток!

Нам привалы мимоходом
Обозначили маршрут;
Переезды да походы,
Служба, дружба, ратный труд.

«Садилось солнце. Полоса закатная...»

Садилось солнце. Полоса закатная
Все уже становилась над землей.
Просторы открывались необъятные
И наступал божественный покой.

Созвездья в небесах повисли гроздьями,
Застыли утомленные пески;
Машины испещрили их бороздами
До русла высыхающей реки.

Громаду-ночь во всем своем величестве
Уже встречал бессонный караул,
В бескрайние вселенские владычества
Входил анклавом дремлющий аул.

С высоты девяти километров

Смотрю в стекло иллюминатора,
Любуюсь дальними пейзажами —
Рельефы кольцевидных кратеров,
Плато и нефтяные скважины.

Летим над желтыми просторами,
Над малонаселенной местностью.
Дороги редкими узорами
Селений обвели окрестности.

Пустыню прочертили рельсами,
Как тушью, черной, жирной линией.
И лету, щедрому по Цельсию,
Гладь Каспия открылась синяя.

Цивилизаций древних базисы,
Края с сокровищами-недрами,
Возникшие вдоль рек оазисы
Доныне остаются щедрыми.

Пурга

Даль надвигается хлопьями белыми;
Словно сомкнулись с землей небеса.
Ветками ив и берез онемелыми
Вяжется зимних узоров краса.

Белые хлопья – лохматые пудели —
Тихо ложатся на землю у ног;
Льдами морозы протоки запрудили,
Искрой вкрапились в полотна дорог.

Путь замечается быстро поземкою;
Вышла на игрище в поле метель,
И под мелодию ветра негромкую
Ветви качает мохнатая ель.

Жертвенная нежность

Опять мечтательная осень!
Обворожительный сезон!
Возврат тепла уже не прочен,
Он бабьим летом наречен.

Его обманчивые ласки
Умрут под вздохами дождя,
Пройдет виденье чудной сказки,
И ветер выпорхнет шутя.

Стряхнет листву с багряных кленов,
Взьерошит прядь твоих волос,
С ресниц, волненьем опаленных,
Похитит бриллианты слез.

Ты, словно облачко, растаешь,
Оставив мне надежду встреч.
Зачем ты, сердце, обретаешь
То, что не в силах уберечь?

Что существует как мгновенье,
Как ощущение души,
Что не дает успокоенья,
А лишь рождает миражи.

Взлетят молекулами жизни
Растений разных семена...
Так иступленно править тризну
Умеет осень лишь одна.

Флюиды ночи

Горел фонарь, извечный полночник,
И плыл тумана белый фимиам...
Казалось, напрягая позвоночник,
Тянулся столб к нависшим проводам.

Любил он света вылиться потоком
И мнил, что недостаточен накал.
С луною мрак расправился жестоко, —
Сквозь тучи блеск ее не проникал.

Я не искал душевного покоя,
Эдема мне не представлялся сад, —
Я жил любви прекрасною мечтою
И чувству вдохновения был рад.

В знакомом парке прокричали птицы,
Взлетели стаяй, начали кружить;
Дождя опять засеребрились спицы,
С клубка у тьмы разматывая нить.

Меж полюсами

Где полюс северный,
Лежат уверенно
Громады льды.
Где полюс южный,
Там ветер выюжный
Из темноты.

В пустынях Азии
Однообразие —
Барханы, зной...
В местах безводных
Пески бесплодны
Любой порой.

А там, где родина,
Цветет смородина,
Встречая май;
Теперь известно,
Мне счастья место —
То отчий край.

А там, где родина,
Все тропы пройдены
Уже не раз,
И все же снова

Ищу былого
Счастливого час.

В лугах полотнами
Ромашки сотканы
Их – белый рой;
А сны девичьи
Под песни птичьи
В садах весной.

С родными нивами
И сердцу милыми
Я встречи жду,
И через годы,
Судьбы невзгоды
Несу мечту.

Свидание

Тысяч бабочек балет,
Диск луны на звездной карте,
Отраженный лунный свет
На земном лежит ландшафте.

Зелень глаз, цветенье губ
У тебя похитил вечер;
При дороге сельский клуб
Говорлив, шумлив и светел.

Повесть дня искажена,
Лживы мрака силуэты.
Как лампы зажжены
Над деревнею планеты.

Среди барханов

В долину вылился мираж,
Струится воздух перегретый,
А смерч, – пустыни верный страж, —
Обходит дальние секреты.

Творит фантазия штабов
Бои учебные в пустыне.
С таких боев не ждут гробов,
Но все ж в тревоге мать за сына.

Залег в окопах батальон,
На всем печать оцепененья,
А солнце, словно медальон,
На каракумском ожерелье.

Сельский вечер

Над склонившей ветви ивой
В небе света полынья —
Плыл закат неторопливо,
Первой звездочкой звеня.

За околицею в поле, —
Было слышно за версту, —
Разыгрались на приволье
Дети сельские в лапту.

Старый дед из дома вышел;
Был он сед, почти что бел;
Лист увядший вниз по крыше
Легкой бабочкой слетел.

Дед подумал с легкой грустью
О минувшем, о былом...
Есть исток, но есть и устье
В жизни так же, как во всем.

У озера

В затейливых узорах
Лесистый косогор;
В прозрачные озера
Посматривает бор.

Качаются кувшинки
На медленной волне.
Лоза плетет корзинки
В озерной тишине.

Туманные рассветы;
Гирляндами роса;
Доносятся из леса
Пернатых голоса.

Туристские палатки
Да головни костра...
С любовью в сердце сладко
И радость так остра!

Приятней полонеза
Девичьих лиц краса.
Все ширится над лесом
Рассвета полоса.

На взгорье

Там, где тихие затоны,
Камыши растут стеной,
Лилий белые короны
Примеряются волной.

Хороши короны лилий!
Строй равняют тростники;
И стоят по пояс в иле
Их несчетные полки.

Солнце яркое в зените,
Озерцо – сплошная гладь.
Миг величия событий, —
Ожидая, встала рать.

С травянистого пригорка
Виден лес и край земли.
Облаков далеких шторка
Еле двигалась вдали.

Небо в водах отражалось;
Луг рассыпал лепестки;
Позабыли про усталость,
Сидя в лодках, рыбаки.

Весело о грустном

Ноябрьское каприччо,
Гаданье перемен.
Качается привычно
Осенних дней безмен...

Здесь солнце бросит глянecь,
Там капель перемет,
То вдруг закружит танец
Пушистый снег вразлет.

Что нынче перевесит,
Стоит теперь вопрос:
Сырой погоды плесень,
Иль грянувший мороз.

Похищение света

Печальным узником, несущим груз оков
Без радостей, надежды и привета,
Казался день под толщей облаков, —
И все попытки солнца были тщетны, —

Сияние с высот запрещено;
Смотрела роща в поле безучастно,
Как рассевалось снежное пшено
На черноземы и суглинки пашни.

Среди осенней непроглядной хмари
На лучшее никто не уповал,
А снег с дождем разбойничали в паре, —
И лес с себя последнее снимал.

1989

Азия

Как древний сфинкс среди песков Египта,
Нависла над селением гора.
Густая тень от кроны эвкалипта
Была отрадой нашего двора.

И словно из разгоряченной пасти
С барханов знойных дует суховей.
И хочет сердце разорвать на части
Дракон пустыни – трехголовый змей.

Плывет мираж: там море и галеры;
Торговый входит в город караван;
Без ласк тоскует сказочная пери,
Но в страхе держит жен в гареме хан.

Вдали белеют снежные вершины,
И по тропинке узкой, как вчера,
Придет опять к источнику с кувшином
Прекрасная, как утро, Гюльнара.

Переход

Течение сжато валунами
И рвется, словно из силка;
Вода вскипает бурунами,
Как бы готовясь для броска.

Над головой нависли глыбы,
Шумит поодаль водопад,
Тропы коварные изгибы
Не обещают путь назад.

Каньоном делится долина,
Ручей смягчает летний зной;
Веков представлена картина
Крутого берега стеной.

Июльский сюжет

Утром над полем курчавилась тучка,
Белая, нежная, вовсе не злючка.

В полдень сгустилась она синевою,
Сделалась тучей уже грозовой —

Молнии, громы, шумящий поток...
Путник укрылся в ближайший стожок.

Летние ливни недолгие, право;
Им благодарны поля и дубравы.

В рытвине каждой до верха воды,
Уткам по нраву такие пруды.
Дождик все реже струился, все тише...
Капли последние падают с крыши.

Божья коровка дружна с лопухом, —
Как из-под зонтика смотрит кругом.

Вновь, не робея, взметнулись стрекозы, —
Видимо, знают погоды прогнозы.

Лихо дорога напаялила лужи,
Путник на ней что-то стал неуклюжий.

Трудно проехать, впрямую пройти,
Надо искать обходные пути.

Двигутся быстрые в реку потоки,
Мокнут в низинах кусты и осоки.

Солнце скользнуло в разрыв между туч,
Радугой выгнулся радостный луч.

Воздух хрустальный, прозрачный, умытый
Голос разнес петуха басовитый.

Что это кочет так громко поет?
Хочет дуэлей и храбрых зовет.

Сенокос

На лугах трещат косилки,
На покосах в ряд валки.
Лето сыплет из копилки
Драгоценные деньки.

Там, где мало разворота, —
По оврагам, вдоль канав, —
Послужить коса готова,
Показать свой острый нрав.

Подсыхают быстро травы,
Сохраняя аромат.
Наступили сенокосы,
Люди часом дорожат.

Лесная прогулка

Следопытом, чуя, зря,
Меж холмов прошлась заря,
Высветив травинки.
На краю березняка
Виден домик лесника,
Покосившийся слегка,
А к нему тропинка.

Под зеленый свой навес
Ребятишек прячет лес,
Как под покрывало.
Пересвисты в кронах птиц —
Соек, пеночек, синиц...
Синь разлилась голубиц —
Кляксами стекала.

В чаще леса родники,
Пни, коряги, пауки...
Трав оранжереи.
На поляне шум и смех —
Заяц выиграл забег,
Обогнал он лихо всех.
Нет его быстрее!

Солнце движется, не ждет...

Но еще быстрее плывет
Синеглазка-тучка.
Выходной ее наряд
Быстро молнии строчат,
Как подвески, белый град...
Будет номер: «Взбучка».

Тьмы служитель, леший злой,
Звал в болото за собой
Путников усталых,
Что пытались напрямиком
Выйти через бурелом;
Но помог им добрый гном —
Проводник бывалый.

Отлет

Покинутое поле,
Стогов соломенные слитки,
Снимает роща поневоле
Багряные накидки.

Стремительно, со свистом,
Прохладный воздух рассекая,
Промчалась клином в небе мгlistом
Гусей пугливых стая.

В места иные жизни
Летят, перекликаясь, птицы.
Но в срок им память об отчизне
Повелевает возвратиться.

Осень

На траве в саду, на тропах,
Чуть блестя, белеют стропы —
Это пауки-десантники
Приземлились в палисаднике.

Золотым узором цвета
Запылало бабье лето —
Это солнышко осеннее
Шлет тепло свое последнее.

Подает печально голос
Одинокий в поле колос.
Стая птиц укрылась дымкою,
Словно шапкой-невидимкою.

Карнавал летней ночи

Исчезла россыпь ярких красок,
В свои права вступила ночь.
Кто днем пугается огласок,
Теперь повластвовать не прочь.

Зажглась и умерла зарница,
Луна плеснула в речку свет...
А вот и сказочные лица —
Русалки начали балет.

Не отыскав других okazji,
С колонной сборной всех Емель
На печках бал разнообразить
Цыган нагрянула артель.

В каретах едут царь с царицей
Да их придворные, шуты...
Как любят слушать небылицы
Девицы редкой красоты!

Пируют бравые солдаты,
А вездесущие купцы
Свои соизмеряют траты.
О чем-то спорят мудрецы.

По лунной выехал дорожке
Морей хозяин, сам Нептун;
А черт, под шляпой спрятав рожки,
Теперь примеривал зипун —

То хвост уродливо торчал,
То раздвоенные копыта, —
И черт досадливо серчал,
Что суть бесовская не скрыта.

Спешит Яга на новой ступе...
Ее последняя модель
Недавно в пилотажной группе.
Какая ведьму манит цель?

Из плоти, – кожи да скелета, —
Неувядающий Кощей,
Храня бессмертия секреты,
Бродил, как призрак, среди гостей.

Гуляка-леший, весь в лохмотьях,
Сорил лишайником и мхом.
Перескочил галопом мостик
Добрыня на коне лихом.

Сияла люстрою Жар-птица;
А соловей-разбойник дуть
В трубу в оркестр пошел учиться —
Решил он в музыке блеснуть

Танцуют хрупкие принцессы
И выются рядом женихи;
Над соблюденьем интересов
Не дремлют чуткие отцы.

Увы, не хватит ночи лунной
Все даже мельком обозреть.
Под звуки лиры многострунной
Давайте жить, любить, умнеть.

Источник

Прохладой наполнено чрево колодца...
Песчаный, порою, проносится шквал
Вода серебром ослепительным льется
И колется тысячью ласковых жал.

К источнику тянется желтой лапой
Послушный велению ветра бархан.
Его продвигает этап за этапом,
Неистово дует, степной ураган.

Саманные жмутся друг к другу постройки,
Стоически жизнь презирает нужду.
Веселые суслики делают стойки,
И сочные персики зреют в саду.

Пустынные вихри стремятся к арыкам,
На поле хлопчатника, пылью во двор;
А небо с орлиным ликующим кликом
Парило над вечными пиками гор.

Через расстояния

Пусть мы не рядом, – с нами сны,
Они доносят сердца стуки,
Мы ими объединены,
Как осязанием и звуком.

Неприхотливая земля
Звенит рассветными лучами,
Ночь уползала, как змея,
В пространства скрытые корчами.

Недолговечная роса
Посеребрила тент палатки,
След перерезал колеса
Барханов дышащие складки.

В предгорьях дальних Ташкепри
Гостеприимен и радушен.
Водою горной две сестры
Пустынные поили суши.

К исходу дня кумач зари
Края суровые пустыни
Вечерней свежестью взбодрит,
И твердь скалистая остынет.

Все осязаемые дни,
Я был причастен к гордой вере.
За все разлуки извини
Презрев никчемные потери.

Жизнь по интересам

Сортируют грачи, как банкиры,
Облетевшую с ясеня медь.
Опустели гнездовья-квартиры...
И пора о грядущем радеть.

Ожидают их южные дачи,
Благодатных земель красота...
Напоследок в колках посудачив,
Покидают родные места.

А воронам привычна зимовка
В общежитиях старых куртин;
Есть и опыт у них и сноровка
Скоротать холодов карантин.

Старик

Старый дед, как притча,
За работой в доме.
Утром он бодрится,
Вечером в истоме.

И судьба-хозяйка
Деда не холила,
Выделяла пайку,
Ну, а чаще била.

Помогла природа
От кручин, напастей,
И над дедом годы
Не добились власти.

Где безделье – скука,
А в работе – радость;
Вот и вся наука,
Сохранить как младость.

Погожий день сентября

Кленом огненного цвета
Запылало бабье лето,
Щедро солнышко осеннее
Шлет тепло свое последнее.

На ботве и на окопе,
Чуть блестя, белеют стропы —
Это пауки-десантники
Приземлились в палисаднике.

Утомленно дремлет поле.
Подчиняясь только воле,
Стая птиц укрылась дымкою,
Словно шапкой-невидимкою

Контрасты

Вокруг торжественно и грустно,
И пышный бал, и нищета,
И угасание, и буйство,
Немой покой и суета.

На всем печать противоречий,
Преобразующих стихий.
Словами множества наречий
Звучат об осени стихи.

С природой наши слиты души:
То веселы мы, то грустим.
Ее, как музыку, мы слушать
Умеем, если захотим.

Возражение

По масштабам мироздания
Нами можно пренебречь:
На межзвездных расстояниях
Гаснет свет, – не только речь;

В устремлении к прогрессу
Тратя время и труды,
Возвышая интересы,
Будим призрак мы вражды.

И природы безразличье
К роду-племени людей
Мнится нормою привычной
В бурном ходе бурных дней.

Дядя Вася не согласен,
У него резон иной:
«У вселенной мы в запасе.
Будет туго, бросит в бой!»

«Мир происходит от прощенья...»

Мир происходит от прощенья,
От устремленности мечтой
К высоким духа проявленьям,
Где чувства вровень с красотой.

Пусть алчность грезит о сраженьях,
Все ж мир становится иной —
Меж стран главенствует стремленье
Для жизни в общности земной.

Поставить памятник врагам,
Где было общим поле брани —
Знак примирения солдата.

Какая ж роль досталась нам?
Довольно войны взяли дани.
Да не забудутся утраты.

Прогноз

Июнь начался днем ненастным,
Дрожат сирени и жасмин,
Согнулись ветви ветром властным,
Играет пламенем камин.

Земля не чувствует отрады,
И тучи с севера плывут
Неутомимой кавалькадой,
Поигрывает рябью пруд.

Сбивая ветра устремленность,
Лес в раздражении шумит,
А на душе успокоенность,
Покою все благоволит.

Капли пляшут в ритме вихрей,
У дома слышится их степ,
Нам лгут гаданий сложных игры,
Но для кого-то это хлеб.

И, может быть, клонясь к примете,
Иссякнет холода поток,
Земля в другом предстанет свете,
И с неба туч слетит платок.

Примета: если первые два дня июня ненастные, то лето будет теплым

Предвестники

С утра трава совсем сухая,
Росы не видно и следа;
На небе, полосы свивая,
Резвится ветер-тамада;

Готовит бурное веселье,
Легонько пробует басы.
Какое чудное везенье
Для нив – пришествие грозы!

Умолкли в зарослях цикады,
Не пляшет резво мошкара,
Ненастья движется армада,
Блестит смолой сосны кора.

Цветов густеют ароматы,
Закрыли ставни муравьи,
Громов далекие раскаты
Упали эхом в ковыли.

Фантазия на тему осени

Капли дождя застучали
Гулко по клавишам-крышам.
Словно аккорды рояля,
Сидя в беседке, я слышал.

Ива грустна каждой веткой,
Туч проплывают эскадры.
Небо дождливое редко
Шлет вдохновение барду.

Клены бросали под ноги
Веером ворохи листьев.
Метились щедро дороги
Осени желтою кистью.

Город оркестром звучащий —
Радость, печаль и отрада.
Слушайте, жители, чаще
Улиц своих серенады.

Вместе со сказкой

в праздничном настроении

На стекле морозный глянец,
За окошком снега танец,
Видно нам из-за гардин
Много сказочных картин:

Меж кустами быстро мчится
Красной молнией лисица;
Выбрав лучший огород,
Зайцы водят хоровод;

Дед Мороз сидит на крыше,
Натирает воском лыжи,
Был в соседнем он селе,
Что скрывается во мгле;

Неразумная волчица
За метельным вихрем мчится...
Еле-еле догнала,
Съесть, однако, не смогла —

Все ее приобретенье
Оказалось только тенью;
Демонстрируя рога,

Лось выходит на стога;

Снега много, по колено;

Но как чудно пахнет сено!

Танец сольный воробья

Смотрит галочья семья;

Чистят перышки синицы;

И другие следом птицы, —

Кто на ветки, кто во двор

Прилетели в певчий хор.

В путь!

Ручей был радостен, звенящ, шумлив,
У матери-весны новорожденный;
Струился он средь рощ, полей и нив,
Настойчивый и целеустремленный

Ему опушка вынесла цветы;
Его касались деревца ветвями;
На крутизне он мчался с высоты
По руслу, умоощенному камнями;

А на лугу знакомился с дождем...
Небесный свод был радугой украшен,
Неповторимым солнечным шитьем
И видом куполов сенажных башен.

«Куда вели вожди народы?..»

Куда вели вожди народы?
Их путь – безмолвие могил.
Меч миновавшие походы
Обильно кровью окропил.

Небес не прослезились своды,
Где лихолетий вал катил,
Но сферы новые природы
Мир человеку приоткрыл.

Бесценны опыта уроки —
В них и удачи, и пороки
Земного прожитого дня...

И схемы горьких заблуждений.
Пускай же новый век свершений
Они от бед предохранят.

«Все крепчающим потоком...»

Все крепчающим потоком
По равнинам и горам
Разливается с востока,
Из прекрасного истока,
Свет, дарящий радость нам.

Пробуждаются поселки,
Город гасит фонари,
Открываются защелки,
Чистит дворник под метелку
Тротуары и дворы.

Поутру опять с задором
Начинаем мы дела,
Милых нам ласкаем взором,
Недоступны мы укорам,
С нами дружит похвала

Но уйдет отрады время —
Заработаем мозоль,
Напечет нам солнце темя,
Утомит работы бремя,
Поясницу сдавит боль.

Но, быть может, лунный вечер

Нас взбодрит: «Друзья, вперед!»
Обозначит место встречи
И зажгутся звезды-свечи,
Украшая небосвод.

«Мортира бури неспроста...»

Мортира бури неспроста
Стреляла листьями куста, —
И вскоре снежные заряды
Покрыли выцветшие гряды,
И на шипах садовых роз
Повис пушистый белый ворс,
Забарабанили в окно,
Как дробь, ледовые крупинки...
Все было вмиг замечено —
И луг, и пахоты суглинки...

«Приятна рифма в звонком слове...»

Приятна рифма в звонком слове,
Бегущая, как волны, речь,
Что с красотой вселенской вровень
И что завещано сберечь.

Творение предполагает
Непредсказуемый исход;
Стихия нас преобразует
И новый образ создает.

Как из частиц фундаментальных,
Слова построены из букв,
В их сочетаньях не случайных
Объединен со смыслом звук.

1990

На вернисаже

Портрет прелестницы, холстом хранимый...
Нежны черты прекрасного лица.
Сюжетный миг, уже неповторимый,
Художника, провидца, мудреца.

Давнишних лет нечаянный свидетель, —
Не все бесследно переходит в прах, —
Я образность волнующую встретил
В запечатленных мастером чертах.

В искусстве древнем все, как во вселенной, —
Мы видим блеск погаснувшей звезды.
Великий мастер даром вдохновенным
Сквозь даль времен доверил нам мечты.

Так шлют потомкам свет издалека
Когда-то миновавшие века.

«Высвечивало солнце на рассвете...»

Высвечивало солнце на рассвете
Мозаичный орнамент на домах.
Блондинка в не застегнутом жакете
Стремилась к остановке впопыхах.

За бытом шумных улиц с интересом,
Над клумбой высясь, наблюдал балкон.
Кумир дворцов превозносился прессой,
И презирала жизнь сухой закон.

Располагали к отдыху беседки;
В росе соцветья георгин и роз;
Сходились любопытные соседки,
Чтоб обсудить волнующий вопрос.

Во двор ввезли молочные бидоны,
Сигнал шофера зуммером звучал.
Листвою тихо шелестели кроны,
А мир о светлом будущем мечтал.

Пляжный сезон

Солнце в полдень входит в раж,
Веселится южный пляж.

У воды совсем не жарко,
За буйком дежурит барка.

Ветер, качка, плеск волны,
Чувства все обнажены.

Интригующие взгляды
На простейшие наряды.

Средь божественных фигур
Нежно слышится: «Бонжур!»

«Познав беду и гнет страданий...»

Познав беду и гнет страданий,
не становись опорой зла.
Не существует оправданий
за непристойные дела.

«Сплоченье не только в порыве...»

Сплоченье не только в порыве,
что нами случайно владел,
оно в приобщенье к святыне,
в величии целей и дел.

«Не счесть теорий да религий...»

Не счесть теорий да религий,
Но только мудрость по душе.
Слепая вера, как вериги,
законы жизни – не клише.

«Свободомыслие – порука...»

Свободомыслие – порука,
что будет знаменем наука;
и что, найдя явлений суть,
достойный выбран будет путь
для человеческого блага.

«Забота – сердца веление...»

Забота – сердца веление,
работа, себя не щадя,
великое вдохновение
матери, растящей дитя.

«По тихим дворикам, бульварам...»

По тихим дворикам, бульварам
Прошелся резво снегопад,
И старый город стал не старым, —
Он новой молодости рад.

Под небом синим и лучистым
Блестел тончайший мельхиор,
И на картину пейзажиста
Ложился солнечный узор.

Возник, из вод кристаллизуясь,
Прообраз будущих эпох,
И сам с собой сообразуясь,
Мир перемен искал предлог.

Звездная ночь

Земля ждала волнующих okazji...
Рядами трав исчерчен был покос.
Величие небес разнообразя,
Сыпнула ночь созвездьями вразброс.

Вампир в стекло оконное стучится,
Тревожа неги безмятежный сон,
Обличье обретает небылица,
И страхи начинают перезвон.

Пасутся кони в пойменной низине,
Трава покрыта свежей влагой рос,
И на всю ширь речного серпантина
С небес лучистый опустился мост.

Казалось тайно сказочные лики
Из глубей тьмы являли интерес,
И по озерам пробегали блики,
Сияющих восторженно небес.

Комета

С визитом небес королева – комета;
Тянулся за ней серебрящийся шлейф.
Быть может, она породнилась с планетой
И ей посвятила извечный свой дрейф.

Упали с высот астероидов шквалы,
И небо расцветили трассы огней.
Светились знакомых созвездий кораллы...
Что можем мы видеть их блеска древней?

На лике земли всюду кратеры-шрамы;
Там лава вздымалась, кипел океан;
Но время лечило последствия драмы
И новой надеждой был путь осиян.

«Под аркой сияющей радуги...»

Под аркой сияющей радуги,
Что выгнула полог небес,
Напором и щедростью радуга,
Стремительно падал на лес,
На дол, буераки и волоки,
Отсвечивая серебром,
Полуденный ливень, и в облаке,
Как щеголь, разгуливал гром.

«Весело, искренне плещется море...»

Весело, искренне плещется море;
Тихое облако спит в гамаке;
В неумолкающем возгласов хоре
Мир развлечений на пляжном песке.

Зыбь тормозит надувные матрацы,
Сонных выносит на берег медуз;
И, как мираж, воплощем абстракций
В синем просторе плывет сухогруз.

В кассе билеты дают на круизы,
Белый у пристани встал пароход;
Ждут экскурсантов заездов сюрпризы,
Запоминающийся переход.

Неотвратимость грядущих событий
Нынче вверяем мы теплым волнам;
Радостью отдыха жизни насытив,
Бодро вернемся к домам и делам.

Посвящение высоте

Орнаменты из разноцветных туч
В небесном движутся калейдоскопе;
Хранят ветра земной погоды ключ
И гонят с севера дожди Европе.

В иную пору ветер нежен, тих;
И в редких облаках, плывущих с юга,
Уже не намечается интриг.
Открыта солнцу панорама луга.

На землю сверху смотрят облака —
Там рощи и зеленые равнины,
Среди полей текущая река,
Поросшие кустарником низины...

Всегда непостоянен их маршрут:
Под ними – то желтеющие степи
Часами утомительно плывут,
То вечных льдов заснеженные крепки;

Или раскинутся пески пустынь
С маршрутами верблюжьих караванов,
А дальше океанов бурных синь
И жемчугов коралловые ванны.

Летают тучи, – стражи высоты, —
У Перуна на службе канониры.
Взирают гималайские хребты
На суету земную с «Крыши мира».

«Будто огонь...»

Будто огонь
вдохновения лета
вспыхнул на алых соцветиях роз.
Факел пылающий
красок букета
в центре сияния
утренних рос.

Регата

Утесы, скалы, острова...
Сезон дельфиньего балета;
И мелят волны-жернова
Зерно из солнечного света.

Глотнули ветра паруса
И дружно началась регата,
А чаек сверху голоса,
Как музыкальная токката.

Храбрец одолевает страх,
И не робеет перед бурей,
Что с глубей подымает прах,
И горизонты мрачно хмурит.

Препятствий много впереди,
Но закалены экипажи,
И восхищенно им в пути
Шлют поздравления пейзажи.

Мечта о море

Давай же подадимся в «дикари»!
Дань отдадим природы совершенству;
У моря, карауля свет зари,
Найдем мы миг волшебного блаженства.

Я за гармонию души и тела
Без суеверий, страхов, колдунов...
Скажи мне откровенно, – ты хотела б
Достичь восторгу равных островов?

Презрев наметки мщенья и вины,
Покинем лабиринты тротуаров,
В гостях у солнца, моря и волны
Мы будем, как дельфинов резвых пара.

«Открою сердце для тебя...»

Открою сердце для тебя,
И в танце быстром словно ветер,
Я обниму тебя, любя,
Скажу: «Ты лучшая на свете!»

Чудесной музыки мотив
И шепот твой ошеломляют,
И нет преграды на пути,
Когда друг друга понимают.

Мы за мелодией летим
В сады неведомые рая,
Но жизнь тебе мы посвятим,
Любовь прекрасная земная.

Неповторимый облик твой
Затмил журнальные портреты,
Побудь еще хоть миг со мной
На этом празднике балета.

Найду я счастье для тебя,
Мы оба за него в ответе,
Огонь страстей не торопя,
Скажу: «Ты лучшая на свете!»

Летний вечер

Солнца янтарного диск догорал,
Звезды с востока спешили на бал.

Небо свои раскрывало границы,
Чтоб с бесконечностью соединиться.

Светится крайней избушки окно,
Дальше у леса туманно, темно.

В прошлом осталась та жизни ступень,
Только не ты, не любовь, не сирень.

К счастью душа увлеченная чутка,
Вновь расцвела под окном незабудка.

Годы умчались с той дивной поры.
Мы исчезаем. Исчезнут миры.

Что-то незримое все ж остается...
Может быть, эхом оно отзовется?

Белая церковь сквозь дымку видна,
Тучкой-вуалью прикрылась луна.

Хроника осеннего дня

Осыпался лист с осины,
Во дворе дождя возня.
Осень вбила клин гусиный,
Расколов колоду дня.

И распались половинки
С сердцевинной золотой —
Полдня яркие картинки,
Проблеск неба синевой.

Солнце глянуло в прореху
Между серых облаков,
От шоссе к деревне пехом
Путник вышел прямымком.

Деревянная церквушка,
И дворовые ряды;
Неуемные старушки
Не уходят с борозды...

Даже, если день воскресный,
Даже, если сериал
Ежедневный интересный,
Урожай чтоб не пропал.

Как осенняя палитра
Удивительно щедра!
Вдохновенная молитва —
Откровения сестра.

«У предгорий тянется долина...»

У предгорий тянется долина
С изумрудной зеленью холмов.
Водный сток из каменной теснины,
Рвется, словно пленник из оков.

Над хребтами высь в янтарных красках, —
Солнце покидает небосвод,
Вслед луна, – как скалолазы в связке, —
Всходит до заоблачных высот.

Не тревожат вечного покоя
Гор Памира бурные века,
А в пустыне вихри слой за слоем
Переносят залежи песка.

Где белеют снежные вершины,
Засветилась маячком звезда;
У событий скрытые причины,
Зрима только мира красота.

По каким еще пройду дорогам?
К чьим примкну стремленьям и делам?
Приобщусь душою к чьим тревогам?
В чей войду молитвенный я храм?

Ветрено

Изгибы волн, похожие на крылья, —
Подобие замедленного взлета.
Насыщен воздух водяною пылью;
Слышна все четче штормовая нота.

Потоком ветра юной незнакомки
Очерчен в платье стройный силуэт.
Резвятся буруны у самой кромки
И чаек над волною пируэт.

А смельчаки на опустевшем пляже
С веселым риском стерегут валы...
Решительно отбросив камуфляжи
Штурмует буря скалы и молы.

Снова дома

Приняв загар на рейдах дальних стран,
Отведав вдоволь брызг морских соленых,
К родным местам вернулся капитан,
В знакомый город к улицам и кленам.

На сушу перебрался экипаж,
Развешаны гирлянды поцелуев,
Объятыями развенчан макияж;
И масса слов, наговоренных все!

Окончен перечень плавучих дел,
Исполнены последние команды;
Причал многоголосый опустел,
И вышел капитан походкой гранда.

Походы умножают седину;
Он до деталей должен все продумать:
«Как кораблю не дать пойти ко дну,
Когда вода сочится грозно в трюмы».

Он брел вечерней улицей один
По вымытым дождями тротуарам;
Поодаль шла с букетом георгин
Влюбленных веселящаяся пара.

Он с ними поравнялся налегке.

«С прибытием!» – одаривая взглядом, —

У девушки в протянутой руке

Цветы благоухающего сада.

Ураган и утес

Вздымались грозно пенные колоссы
И с берегами затевали драку.
Я наблюдал величие утеса,
Привычно отражал он волн атаку.

В его вонзались молнии разряды,
Терзали злобно шквалистые ветры;
То весь в снегу, то побиваем градом, —
Своей земли отстаивал он метры.

Утес казался опытным солдатом,
Что был всегда пред острием вторжений.
Он подо мхами, словно под бушлатом,
Таил от всех следы своих ранений.

После шторма

Привычно льются на песок
Неторопливые приливы...
Морских растений поясок
Наметил контуры залива.

Вдали невидимо грозит
Под белой пеленой тумана
Суровый рифовый гранит,
Восстав из бездны океана.

Ржавеет остов корабля;
Оставлен он навечно мели.
Одни погибнут у руля —
Другие путь продолжат к цели.

Пролив разрезал материк,
Представ зияющею брешью.
Заморской вестью чаек крик
Разносится по побережью.

«В сопровождении ненастья...»

В сопровождении ненастья,
Пир продолжался колдуна,
Играя, карты черной масти
Сдавал проворно сатана.

Отныне козырные крести...
Он держит их в своих руках.
Волна безудержная мести
Все сокрушала в пух и прах.

О, солнце! Выгляни, сердечко!
Преодолей зыбучий мрак.
Пусть блеснет твое колечко,
Как перемены добрый знак.

Над Атлантидой

Прервали вихри ласку штиля,
Вновь обретала мощь волна;
Морские ограждая мили,
Воздвиглась туча, как стена.

Радист прослушал сообщенье-
В эфир врывался краткий «SOS».
Случилось кораблекрушенье
В ближайшем проявлении гроз.

Пронзали небо залпы молний,
И капитан подправил курс.
Начался шторма танец вольный
И на пределе был ресурс.

Привыкнув к качкам и болтанкам,
Вразвалку ходят моряки.
Обнимут скоро их испанки,
Ведя в ночные кабаки.

Вторжение

Был испорчен образ лета.
Весть ушла по городам.
Вихрей шумная вендетта,
Путь открыла холодам.

Ураган в избытке силы
Пробивался напролом;
Ветром крышу покосило,
Двор осыпало стеклом.

Ливень хлесткий рухнул разом
На покосы и сады,
Не бодрило солнце взглядом
Погрустневшие цветы.

Грома слышались рулады,
Ожерельем белым – град.
Это бросил свои клады
Удирающий пират.

Флибустьерские вторженья
К нам ненастных перемен
Не изменят курс движенья,
Не сдастся шхуна в плен.

И под всеми парусами
Устремляется вперед...
Вновь кружится над полями
Светлых тучек хоровод.

Рябиновая ночь

Земля ночной грозе не протестует.
А вот уже и первые гонцы —
Из туч упали дождевые струи,
И засверкали неба изразцы.

Огнем рубина брызгают гардины,
И пауза, как ноша, тяжела...
Испепеляя полумрак гостиной,
В саду мелькнула молнии стрела.

Слепящий свет, громов раскаты
Сопровождают ливня монолог.
В разгаре гроз небесные парады,
И все в одном – готовность, старт, итог.

1991

Разгул

Голос потока груб.
Ветер пугает свистом.
Речь водосточных труб
О дожде-рецидивисте.

Он из банкиров-туч
Мглы выбивает ссуду.
Севера взгляд колюч
И неуютно люду.

Осени шел грабеж
Мрачно, неотвратимо.
Стоили медный грош
Тусклого дня картины.

Нынче, казалось, зло
Свободно гуляло в мире...
Ветром листву несло,
И эхо стреляло в тире.

«Рассвет сдвигает полог ночи...»

Рассвет сдвигает полог ночи,
И ты улыбку даришь мне,
Твой локон солнцем позолочен,
А «зайчик» скачет по стене.

Уже забыто утомленье,
Но все ж не отпускает сон
И длится сладкое мгновенье,
Дневной одолевая звон.

Пора взбодрить зарядкой сутки,
Но веки что-то тяжелы.
И долетает с улиц чутко
То скрип дверей, то шарк метлы.

Вопреки календарю

Упорно осень затяжная
Деньки ворует у зимы,
По скверам ярко полыхая
Кострами яркой желтизны.

Сорит увядшею листвою,
Плодов подносит ассорти
И увлекает за собою
На вдохновенные пути.

А птиц нечаянная стая
Все веселится на пиру,
Блаженствует, не замечая
Морозов утренних игру.

Крушение

Как в ноябре беднеет парк!
Сорил богач – в итоге нищий.
С казною царской призрак-барк
По сумрачным протокам рыщет.

Прощанья наступает час...
Открылось взору запустенье —
Ограбленный иконостас
Ветров воинственным вторженьем.

В руинах свищут сквозняки...
Зияют с севера проломы.
Приходят грустные деньки
Взглянуть на бывшие хоромы.

«Пустоту ночи...»

Пустоту ночи
Искрами-зернами
Засевал Бог.
Вырастали вселенные
Из зерен-крох.

«Вечерние отблески гаснут...»

Вечерние отблески гаснут,
За тучами скрылась заря,
Коварные вихри ненастья
Нашли тайники янтаря.

Выносит волна ожерелья
На желтый лагунный песок...
В них скрыты глубин откровенья,
В них творческий виден исток.

Орнамент морских побережий —
Земной туристический рай —
Был длительным штилем изнежен,
Но к бурям приучен тот край.

1992

«Века потратили народы...»

Века потратили народы
На передел своих границ,
Ходили в грозные походы
И брали штурмом крепь столиц.

О, человек, поставь же точку
В воинственном календаре.
Путь исторические строчки
О мирной пишутся поре.

Торжество света

Зажегся неба зодиак
И блещет тысячью свечей;
С востока угасает мрак,
Бежит от солнечных лучей,

В таежных прячется чащобах,
В пространствах гротов и пещер,
Где бег у времени особый...
Какой там век у них теперь?

Дождей закончилась декада;
Бескрайне веселится даль;
Рассвета алые плакаты
Сатирой стали на печаль.

Уют печных полатей

Печки деревенские,
Всем вы хороши!
Любят печи сельские
Люди от души.

Яблоки сушеные
Там лежат в мешке;
Рукавицы сложены
Рядом на шестке.

Доской свилеватою
Стелен потолок;
Дым летит над хатою
Вверх наискосок.

На загнетке угля,
Пепел и зола.
Жжет струя упругая
Щедрого тепла.

«Он в мир, к жестокости привычный...»

Он в мир, к жестокости привычный,
Внес смелой славы этикет,
Но стал печальной драмой личной
Романа горестный сюжет.

О, сердцу милая Татьяна,
С душою светлой без изъяна!
Едва ли где-то в мире есть
Такая святость, верность, честь?!

Как часто ревность-себялюбка
Дает сомнительный совет,
И может стать причиной бед
В гордыне светской даже шутка.

Но дева юная, резвясь,
Страстей и зла не знала связь.

После ненастья

Земля дождями щедро полита
И зеленью пылают ветки.
Стремнина вод у речек поднята,
К весенней движется отметке.

В полнеба ширина лазурная,
Выходит солнце на арену.
От лип ложится тень ажурная,
Обозначая перемену.

Потоки шумные низринувши,
Промчалась ливней эстафета,
И лентой радуга на финише
В подарочном наборе лета.

Ее стремительно касается
Веселый ветер-победитель.
Все в мире только начинается,
Уходит навсегда лишь зритель.

В глубинке

На обочинах бугристых
Кое-где держался лед,
Мимо ельников со свистом
Трасса мчалась вглубь болот.

Средь лесистого простора
На подворьях деревень
Петухи друг другу вторят,
Голосуя за апрель.

Принимая жизнь-проруху,
Обитают старики,
Одинокие старухи
Да наездом их сынки.

Там одна лишь перспектива:
Лечь пораньше, а с утра
Лужи свежего разлива
В ботах мерить средь двора.

На обочинах бугристых
Исчезал последний лед,
Не спеша от туч провислых
Очищался небосвод.

1993

Концерт

Весны премьеры в нашем парке;
Ручей читал свой монолог;
Дворцовый вход прикрыли арки;
Ночным дождем омыт порог.

Девичьи стройные фигурки
Сердец тревожили покой,
А вестибюлей закоулки
Шумели радостной волной.

Свободных мест не видно в зале.
Везде сияние лампад.
Безостановочно звучали
Мотивы блюзов, серенад.

Мелодий песенных отрада
Овладевала, как гипноз;
Оваций слышались парады;
Букеты плыли нежных роз.

После паводка

Еще зеленый бархат трав
Не спрятал ил, песок и тленье,
Где показало бурный нрав
Случившееся наводнение.

Еще ручьи ледок крошат,
И переполнены протоки,
Где рыбы косяки спешат
На нерест, шелестя осокой.

Ковры весенние лугов
Еще не дразнят нас цветами;
Река за гранью берегов
Владела поймой и кустами.

Забота

Белым-бело в краях благоуханных;
Опять скворец – хозяин теремка.
В заботах солнце-нянька неустанных,
Не сводит взор с детеныша-цветка.

На мир тот смотрит с трепетной улыбкой,
Лепечут нежно губы-лепестки.
Подняться хочет с первой он попытки,
Не отпуская солнечной руки.

На каждом поле, дворике, лужайке
Весна открыла детские сады.
По рощам разлетелись птичьи стайки,
И гимн весне звучит на все лады.

В родных местах

«Летел» над полем велосипедист...
Тянулись одуванчиков аллеи.
Июньский день воздушно свеж и чист,
Листвой березы тихо шелестели.

Нектар сдавался наперегонки,
Переплелись соцветиями травы.
Успеть пожить спешили мотыльки,
Слепни вели разбойные забавы.

Среди восторгов солнечного дня
Я шел тропой по ржаному полю,
Лазурь небес струилась на меня
И откровений сердцу было вволю.

Там, где сплошным покровом расцвели
На поле белоснежные ромашки,
Я чувствовал стремление земли
Раскрыться сутью жизни нараспашку.

Зима является в ночи

Ночью вскружило ненастье,
Снегом поля замело;
И по утру в одночасье
Преобразилось село.

Птиц возбужденных орава
Множила трассы следов.
Спешно в реке переправу
Строил мороз из льдов;

Пышного снега охапки
Висли с деревьев в саду.
В теплой, с подвязками, шапке
Дед приобщился к труду.

С хвои и бронзовых шишек
Иней слетал, шелестя,
В школу гурьба ребятишек
Шла, голосисто шутя.

Схватка

Мороз свивал тумана пелену,
Сосновый лес маячил за рекою;
В ледовом речка не была плену,
Еще плескалась в полынье волною.

Она рвалась, как жертва, из силка.
Заведомо попытки были тщетны —
Лишь кромка льда обломится слегка
И уплывет незримо, незаметно.

Мороз немилосердно поджимал;
Все уже вод открытая стремнина;
На всех излучинах он побеждал,
Срастался лед в массив сплошной, единый.

Вечерняя сгущалась синева.
Река, устав, сдалась в последнем стоне.
Шептал ей утешения слова
Не покоренный родничок на склоне.

«В понятиях добра и зла...»

В понятиях добра и зла
мораль не создает границ, —
решают все дела
и сущности конкретных лиц.

«Быть бедным – не право...»

Быть бедным – не право,
стать нищим – беда;
прокормит не слава,
а бремя труда.

Лесозаготовки

На ветвях ажурный иней,
Небо в гулкой синеве.
Я брожу среди белых скиний,
Бор в моление и молве.

Рассыпает иней блески;
Эхо бродит голосов...
Взвизги пил и тут же хлесткий
Звук поверженных стволов.

Ель зажали клена клещи;
Из костра взлетает дым...
Пламя вьется и трепещет
Флагом солнца золотым.

Глухомань

Ночью лихо вьюга порезвилась,
Утром взору явлен был простор.
Санная дорога возродилась,
Повела привычно через бор.

Чащи первозданная картина —
Белка мчалась по верхам от нас,
У мохнатых елей пелерины,
И везде валежника каркас.

Снег глубокий, не пробьется пеший;
Слышен дятлов близкий перестук.
Может быть, живет в сторожке леший,
Хитрой ведьмы спутник и супруг.

Монолог метелицы

Метелица-завируха
Шепчет дубу в дупло-ухо,
Дружбой с дубом дорожит,
Белым кружевом шуршит:
«Как не можешь ты понять, —
Я хочу тебя обнять!
Я прекрасна, молода!
Быть с тобой хочу всегда».

Первая любовь

Ты чудо, первая любовь!
Тех лет воочию тропинка.
Тебя хочу увидеть вновь,
Моя святая половинка.

Над нами власть небесных тел,
Мы – кульминация интриги,
И каждый жест еще не смел,
И держат робости вериги.

Уходит нашей жизни век,
Ему не повториться снова!
Грядущий мира человек
Наделит новой сутью слово?

«Красивые женщины...»

Красивые женщины
так же, как свет,
внезапно,
порой,
ослепляют
и в повести жизни
центральный сюжет
по праву они занимают.

Леди

Во фраке туч на солнечной карете
Спешил закат на звездный бал ночей.
Я видел вас, пленительную леди,
В сиянии оранжевых лучей.

У ваших лет иное измеренье,
Ваш силуэт, как тонкий аромат.
«Вы дивное, вы чудное творенье!» —
Мне в сердце откликается стократ.

Но вы живете в «параллельном» мире...
Я чту за день привычно полумрак,
А вы в своей сверкающей квартире
Без солнца не обходитесь никак.

Вы чувств разнообразите оттенки, —
Они еще непостижимы мной;
Внимания восторженные сценки
Вам милой представляются игрой.

Во фраке туч на солнечной карете
Умчал закат на звездный бал ночей,
Оставив вас, прекраснейшую леди,
Среди земных раздоров и страстей.

«В случайности любой...»

В случайности любой
всегда закономерность скрыта —
на грабли наступил ногой, —
и шишка сразу же набита.

Прибой страды

Ржаные нивы, словно море, —
Волна несется за волной;
И каравеллы выйдут скоро,
И скирды встанут за кормой.

Прибой страды по краю нивы
Собьет их в желтые гряды
И опадут неторопливо
В садах забытые плоды.

Стога укутают туманы,
ПройдетсЯ дождик по стерне,
Кустов дремучие бурьяны
Уснут в замшелой тишине.

С легким паром!

У ручья на склоне баньку
Увивают ветки.
Там же веников вязанки;
Паримся, как предки!

Дух витает ароматный,
В очаге поленья
Что-то шепчут деликатно
Молчунам-каменьям.

Говорливая криница
Спорит с лопухами,
А над крышей дым клубится
Сизыми клубами.

Чародейство в бане духа,
Он румянит лица;
Час назад зашла старуха —
Вышла молодлица.

Чистота – награда телу
И здоровью кстати.
По плечу любое дело
Бодрой духом рати.

1994

Зависть

На урожай ориентиры
Берут озимые поля...
Уже в зеленые мундиры
Принарядились тополя.

В тепле возросшая рассада
Глядит завистливо в окно-
Расти на рыхлых грядках сада
Строптивной хочется давно.

Земли коснулись нежно руки,
Она чувствительна к добру;
Пройдя томление разлуки,
Весну встречает, как сестру.

Заморосило

Мохнатым тучам стало лень
Тянуть тяжелые обозы,
И золотой осенний день
Стал жертвою метаморфозы.

Дождь лил на пестрые зонты,
На скверы, клумбы, тротуары,
На пожелтевшие кусты,
На крыши зданий и бульвары...

Был неотступен и упрям,
Обрел характер постоянства
И, нагулявшись по дворам,
В иные уходил пространства.

«Какими быть нам ...»

Какими быть нам —
учит нас мораль.
А кем нам стать —
мы выбираем сами.
Жизнь наша
не прямая магистраль,
она тропа
среди круч под небесами.

«Кто прозябает в мелкой суете...»

Кто прозябает в мелкой суете,
не осязая в жизни цели,
тому не быть на высоте,
его удел – сидеть на мели.

Акт осенней драмы

Осенний исполнялся ритуал;
Нагие ветви затрясло в ознобе;
Свет робок и все время убывал;
Мерцало солнца жалкое подобье.

Дождь шапкой-невидимкою таясь,
Закуролесил по дорожным лужам...
Теперь событий временная связь
Все откровенней проявлялась стужей.

Один в своей сквозящей конуре
Спал чутко пес, подергивая бровью;
Безрадостно, пустынно на дворе...
Деревней овладело чувство вдовье.

В березняке на кронах гроздь гнезд
Чернели перезрелыми плодами.
Расклевывал на ветке что-то клест,
Над клумбою с увядшими цветами.

«Материнское чувство щедро...»

Материнское чувство щедро,
бескорыстно его соучастье.
Тот, кто дарит любовь и добро,
в этом видит и личное счастье.

«Жить – значит быть...»

Жить – значит быть
у века на счету,
над чувствами господствовать всецело;
презирая зло и суету,
выбирать достойнейшее дело.

Завьюжило

Отцвело, прошелестело...
Даже в полдень нет тепла,
И покров стелился белый
В марь глухую от села.

Снега падали лохмотья
И свисали с веток лоз.
Клюкву красную в болоте,
Подсластил уже мороз.

Эскадрон метелей прытких
Резво бросился в карьер
И с единственной попытки
Взял он осени барьер.

Рассвета взорваны петарды

Солнце разбилось о стекла витрин,
Небо синее, как аквамарин.

Нынче рекорды погоды не редкость;
Нас проверяют морозы на крепость.

В городе шумном и сельской глуши
Взору открылись зимы витражи.

Дымом и паром увенчаны трубы,
Модными стали обычные шубы.

Но не пустуют пугливо дворы,
Там развлечения для детворы.

Шумы сражений доходят до нас.
Голом закончился форварду пас.

По заснеженным холмам

Зима решилась на подарок
И куст калины поднесла.
На белом фоне он был ярок,
Но трасса дальше нас вела.

То хрустнет снег, то звякнет льдинка —
О чем-то роцца говорит.
Заиндевавшая осинка
От дуновения дрожит.

Нет больше эха откровений
За опустевшею избой,
И груз моральных прегрешений
Уже не ищет здесь покой.

Уйти от зависти и мести,
От сложных споров и страстей?!
Не существует смысла в чести,
Коль нет врагов, коль нет друзей.

Потепление

Белую шубу снимает зима
С чувством досады и злости.
Как в половодье, везде кутерьма —
Оттепель прибыла в гости.

Тают сугробы, разливы вокруг, —
Гостья бесчинствует смело
И не боится морозов и вьюг, —
Капель поет ей капелла.

Озеро дремлет под толщею льда.
Берег, увитый кустами,
Преобразила на миг суета
Прибывшей галочьей стаи.

Дети катают на школьном дворе
Глыбы из свежего снега.
Оттепель рушит, порой в январе,
Планы мороза стратега.

О зодчестве

Мороз и снег в пылу фантазий —
Незаурядные творцы;
Из суеты однообразий
Ваяют дивные дворцы.

На зимний стиль архитектуры
С изящной, хрупкой красотой
Влияние огромно бури,
Натуры дерзкой и крутой.

Стартуют вихрей экипажи
И мчат, не ведая пути;
Преображаются пейзажи, —
За новизной не уследить.

В лесу сокрыты пни, коряги;
Растут сугробы у домов;
Где склон был выщерблен оврагом,
Теперь сплошной снегов покров.

Боятся бурных потасовок
Чащоб дуплистые стволы;
Сбивая снег с зеленых елок,
Их валит буря без пилы.

Сменяя вьюг порыв ненастный,
Приходят солнечные дни.
Зимы творения прекрасны, —
Искусству зодчества сродни.

Задождило

Крутые перемены —
Зимой пошли дожди.
Средь серости и тлена
Отрады не найти.

К земле прижались тучи,
Дневной похищен свет.
Казалось, мир приучен
К нашествию всех бед.

Живу воспоминаньем
Объятий, ласк и нег.
С надеждою свиданий
Впадать в унынье – грех.

Виток времени

С рассвета ветви инеем звенят
В безветрии морозною порою.
Меня ждала вчерашняя лыжня
Туда, где солнце встало над горою.

Вдали озер заснеженные льды,
Холмов пологих спуски и подъемы,
Хмельная синь небесной высоты
И возвращений чуткая истома.

Маршрут далекий в школу дважды в день,
Учась в десятилетке в старших классах,
Я измерял меж рощиц, деревень...
Мне каждый куст, как друг, на этих трассах.

В душе воспоминаний дорог миг.
Наедине я с солнечною явью.
Мне кажется, что каждый снежный блик,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.